

Сергей и Дина
ВОЛСНИ

ЛАЛЛИ

 пряно чувственно правдиво

Современная русская проза

Сергей и Дина Волсини

Лали

«Волсини Сергей Николаевич»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Волсини С.

Лали / С. Волсини — «Волсини Сергей Николаевич»,
2018 — (Современная русская проза)

ISBN 978-5-00037-003-2

В момент жизненного кризиса молодая москвичка отправляется в Индию, надеясь развеяться и найти выход, однако чужеродная индийская среда лишь обостряет ее проблемы. Своеобразный быт и характер индийцев заставляют ее вспоминать о лучших временах, когда она делала карьеру, отдыхала в Монако и была счастливо замужем. За месяцы, проведенные в Индии, она сумеет разобраться в себе и вернуть все, а главное – любовь. Добрый монах с лучезарными глазами, простой уральский парень, ставший местным гуру, знаменитая Обнимающая мать и бармен-англичанин, оказавшийся миллионером, – каждый из них по-своему помогает главной героине обрести себя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-00037-003-2

© Волсини С., 2018
© Волсини Сергей Николаевич, 2018

Сергей и Дина Волсини

Лали

В Даболим мы приземлились в сумерках. Народу в зале прилета скопилась тьма тьмушая, и когда вместе с другими прибывшими я наконец вывалился из аэропорта с багажом в обеих руках, на улице уже стояла непроглядная ночь. В высоком небе переливались звезды, а под ногами шныряли портеры и так и норовили утащить твой чемодан, якобы помочь с такси, а на деле выудить доллар-другой у еще не успевшего сориентироваться туриста. Путь мне предстоял неблизкий, и я заранее решил, что останусь на ночлег где-нибудь в окрестностях, а в Канакону отправлюсь на следующее утро – отдохну от долгого перелета, да и ехать буду при свете дня. Мой выбор пал на Васко да Гама, культурный портовый городок с парочкой приличных отелей на главной улице; четверть часа на такси, и я уже заселялся в номер одного из них, мысленно хваля себя за это решение. Ехать в черной ночи никуда не хотелось, да и отель на первый взгляд оказался лучше, чем я ожидал. Персонал вышколен, горячей воды в кране сколько душе угодно, ужин накрыт в ресторане на верхнем этаже – чего еще желать с дороги.

Утром я не спешил. В Канаконе меня едва ли ждут раньше обеда, так что, отзавтракав в полном одиночестве в чинной столовой, со всех концов обдуваемой кондиционерами, я с наслаждением вышел на солнце и пустился осматривать город. Улица, вчера вечером ярко освещенная фонарями, сейчас выглядела пыльной и невзрачной. На дороге, по гоанским меркам просто великолепной – с высоким бордюрным камнем, разделяющим две полосы, с островками земли вроде клумб, только без цветов, с пешеходными переходами, – несмотря на раннее утро, всю толпился транспорт местного разлива: автомобили времен моего детства, мопеды и дряхлые, накрененные на бок автобусы, каких даже я не видывал. Хороших машин здесь не встречалось, я заметил это еще вчера, когда ехал из аэропорта в узеньком, громадном всеми внутренностями такси. Несколько трехзвездочных отелей и уже открывшиеся закусочные немного разбавляли общую унылость. Туристов не было. Совсем близко стояла железнодорожная станция, с окраины улицы мне виден был перрон и стоящий на нем состав, да и ночью, я вспомнил, слышались гудки поездов; может быть, путешествующие пересаживались на станции и ехали дальше, не заглядывая в город, во всяком случае, я оказался единственным приезжим и сразу привлек к себе внимание – на меня налетела босоногая детвора, без зазрения совести выпрашивая деньги, ручку, леденцы или, на худой конец, карту Васко да Гама, взятую мной в отеле. Неподалеку мне встретился маленький скверик. По его периметру вышагивали трое: индийцы, выходя на утреннюю пробежку, никогда не бегают, а только ходят; я успел позабыть об этой странной особенности и теперь заново ей удивился. От обычной прогулки эта ходьба отличается чуть более стремительным шагом, и только. Ходят они размашисто, небрежно, далеко раскидывая руки и выпятив вперед толстые животы, – со стороны кажется, что человек просто прибавил шагу, опаздывая на поезд. Сквер был аккуратный и по своему ухоженный, садовник поливал траву из новенького шланга, единственная здесь женщина мела тропинки, но когда только прилетаешь из Москвы, невольно обращаешь внимание на то, что деревья тут кривые и потрепанные, фонтан давно усох, кругом мусор, в воздухе пахнет дизелем, а к скамейкам не подойти из-за сидящих на ветках ворон, с громкими карканьями обстреливающих пространство под собой. Я вернулся на главную улицу. В глубину переулков и соваться нечего – даже отсюда мне видны были стоящие вкривь и вкось полуразвалившиеся дома и запущенные пустыри. На мгновение я растерялся. У меня была пара часов свободного времени, и я хотел увидеть что-то в этом городе – когда еще окажешься в таком далеке, но что смотреть, куда податься, я не представлял и вернулся в отель. Расторопный портье, к которому я обратился, быстро все разъяснил: здесь есть музей военно-морской авиации (но сейчас туда не поедешь, он открывается позднее), есть порт и рыбный рынок (тут он поморщился, и я

словно бы ощутил ударную волну запахов, ожидающих меня там) и пляж Богмало, настоящая жемчужина этих мест. На том и порешили. Он вызвал мне такси, выйдя из отеля и махнув кому-то на улице, и велел везти меня на пляж.

Богмало оказался типичной индийской деревушкой на берегу океана. Вдоль сухой песчаной дороги тянулись низенькие домишки, на обочине среди всякого хлама сидели на земле и смотрели на все безразличными глазами полуодетые мужчины с темной как смоль кожей и женщины в сари, с детьми на руках; все они, по всей вероятности, тут же, на улице, и жили. Такси высадило меня у входа на пляж. Дальше пришлось пробираться сквозь ряды торговых лавочек, увешанных всякой утварью, под нос мне совали штаны, крема, пакетики со специями, поющие чаши, барабаны, да все подряд – завидев свежее лицо, торговцы наперебой бросались предлагать свой товар. Как видно, набитые до отказа автобусы подъезжали сюда с самого утра, выгружая толпы индийцев, в основном мужчин, решивших провести субботний день на пляже. Вот и сейчас в одно время со мной у входа с грохотом затормозил очередной без окон, без дверей автобус, из него высыпали похожие друг на друга лица, галдящие и чем-то словно недовольные, кучной толпой они встали на месте и принялись перекрикиваться, шуметь, как будто даже ругаться; я с трудом протиснулся между ними. Впереди лежал океан, и он дышал простором.

Пляж здесь такой же точно, что я встречал повсюду в северном ГОА. Гладкая песчаная полоса, по которой так приятно идти, окуная ноги в шелковистое мелководье, позади ресторанички, их называют тут шарками, и лежаки в аренду; один-единственный отель, помпезный и наверняка непомерно дорогой, стоит на берегу чуть левее, в окружении пышных кокосовых пальм; встречающиеся на пляже европейцы, несомненно, его постояльцы. В отдалении, там, где заканчивался пляж, тянулась канава со сточными водами, за ней возвышались груды мусора, и ветер нет-нет да приносил оттуда запах нечистот, но это не слишком портило впечатления – на самом пляже было относительно чисто и, как ни странно, тихо. Народу в этот час собралось уже немало, но, разойдясь кто куда по широкой песчаной полосе, друг другу не мешали. Индийцы, как водится, сбивались в кучки. Молодые парни компаниями по пять-шесть человек слонялись взад-вперед, щелкая семечками и глаза на туристов, семейства из нескольких поколений, с детьми и престарелыми родственниками, держались сами по себе; как правило, они не заходили в кафе и не покупали ничего из еды, не купались и не загорали, а садились на песок, не снимая одежд, и сидели так, и стар и млад, молчаливо смотря друг на друга; вокруг них бегали дети. Только что сошла с автобуса стайка студентов в одинаковых хлопковых рубашках с коротким рукавом, они гурьбой понеслись по взморью, брызгаясь и хохоча с беззаботностью, какая бывает только в их годы, и среди них попадались нежные девчачьи лица с волосами как вороново крыло.

Мало кто купался, хотя вода была чудо как хороша, и заход на глубину, по всему видно, плавный, ровный. Индийцы, я заметил, совсем не любят воду. Я в жизни не видел индийца, рассекающего морскую гладь уверенным взмахом рук, может быть, мне просто не встречались такие. Когда индиец подходит к воде, вид у него такой, будто он впервые увидел океан и не знает, что с ним делать. Маловероятно, что индиец, придя на пляж, скинет с себя одежду и с наслаждением бросится в волны; на пляже у него полно других занятий, и чаще всего до купания дело не дойдет. Если же он решит таки искупаться, то будет барахтаться по колено в воде, кое-как двигаясь по дну вдоль берега, но никогда вглубь. Излюбленное развлечение индийцев – всей компанией порезвиться у воды, погонять мяч, задевая прохожих, побросать тарелочку, устроить партию в крикет, используя вместо биты какую-нибудь деревяшку. Как-то пару лет назад на моих глазах двое индийцев решили оседлать каяк. В отеле, где я тогда жил, были популярны прогулки на каяках: течение в той части бухточки было несильное, разве что к вечеру иногда поднимались волны, от берега несло на хорошей скорости почти безо всяких усилий, на обратном пути приходилось чуть навалиться на весла, но тоже не чересчур.

За неимением других развлечений мы по нескольку раз на дню выходили в море, кавалеры катали своих дам, мужички соревновались друг с другом. И вот мы увидели, что впервые за все время к нам решили присоединиться индийцы. Оба были не первой молодости, наверняка отцы семейств, оба неповоротливые, с животиками. Чем они сходу нас поразили, так это тем, что с помощью бич-боя натянули на себя спасательные жилеты; обычно их надевали только на детей. Довольно долго они не могли усесться в лодку. Пытались по очереди, потом вдвоем синхронно, но каждый раз кренились на борт и оказывались в воде. У самого берега разбивались волны, и лучше было бы скорее направить лодку вглубь, но им это никак не удавалось. Бич-бой изо всех сил старался вытолкнуть их вперед, но только весь взмок и забрызгал свою новенькую сине-белую форму. После десятка неудачных попыток, им наконец удалось сдвинуться с места, но тут стало ясно, что оба ни разу не держали в руках весел. Лупили по воде кто во что горазд и быстро теряли равновесие, вставали поперек волны и, не удержавшись, опрокидывались в море. Из воды выбирались с трудом: выпирающие на животах жилеты цеплялись друг за друга застежками, и оба прилично надавали друг другу веслами по голове, пока тащили к берегу лодку. Все начиналось сначала. Удивительно было то, с какой серьезностью они снова и снова брались за дело. Незадолго до этого бич-бой усаживал на каяк двух подружек, которые тоже никак не могли отплыть, – они хохотали на весь пляж, и невозможно было не хохотать вместе с ними; так они и не поплыли, сфотографировались с красавцем бич-боем, бросили каяк да побежали скакать на волнах. Эти же двое упорно начинали все заново, и весь пляж посмеивался, глядя на них.

Сегодня я бы с радостью окунулся. Если б только не опасался оставлять на берегу свои вещи – как бы ни понравился мне пляж и каким бы спокойным он ни казался в сравнении с другими, я отлично знал, что в таких местах нельзя терять бдительность. Удовлетворившись тем, что намочил ноги и подышал океаном, я направился в сторону ресторанчиков и сел в одном из них. Мне повезло, место оказалось на редкость удачным. Чистенькие бело-голубые скатерти, на стенах картинка в тон, бойкие официанты, привыкшие ко вкусам туристов. Цены, как и можно было ожидать, намного выше, чем в городе. Я заказал рыбу в тандуре, жареный рис с яйцом и местную лепешку наам, потом, разгорячившись от еды и от все усиливающегося солнца, послушался официанта и взял мороженое с манговым пюре. Уже чувствовалась наступающая жара. Веранда, на которой я сидел, стояла на высоких деревянных сваях, время от времени ее обдувал слабый и оттого ощущаемый особенно остро ветерок; почувствовав его дуновение, невольно замираешь на месте, чтобы успеть поймать его короткую прохладу. Перед глазами до куда хватало взгляда простирался океан. Это была не лазурная синева морских берегов, а желтовато-мучнистая гладь с низкими, долгими, идущими наискосок волнами; небо казалось белым, почти бесцветным и слепило так, что с непривычки резало глаза; у самой кромки воды над песком вздымались вверх клубы пара, воздух вокруг наливался влажным прилипчивым зноем, пахнувшим сразу всем, и рыбой, и канализацией, и жареными в масле бананами, и едкими благовониями, что жгли повсюду. Я узнавал запах Индии. Ледяные московские вьюги и остекленевшие в февральской мерзлоте деревья окончательно испарились из моей головы. Сквозь обступавшие со всех сторон запахи, сквозь густой запотевший воздух и вязкую жару я различал дыхание лета и ветер другой земли; я испытывал восторг путешественника, очутившегося в новом краю.

Толпы пляжников остались внизу. Около меня садились только туристы, местные сюда даже не заглядывали. Были и две русские девушки, судя по всему, чем-то сильно раздосадованные. Я их понимал: не хотел бы я оказаться здесь с семьей. Индия чудесная страна, своеобразная и полная сюрпризов; не знаю никого, кто, побывав на этой земле, остался бы к ней равнодушен, поездки сюда редко идут по установленному плану, зато не бывают скучны, лично я, хоть никогда и не был завсегдатаем гоанских пляжей, приезжал в эту страну не раз, и впечатления о ней храню самые теплые. К счастью, неудобства, возникающие на протяжении всего

пути, быстро забываются, а пережитые впечатления так поразительны и глубоки, что запоминаются надолго, и кажется, нигде на целом свете ты не испытал бы такого. Единственное, для чего, на мой взгляд, непригодна Индия, так это для путешествия с женщиной. Нашу первую совместную поездку сюда мы совершили, как это обычно и бывает, по настоянию жены. Ездить в Индию стало модно, тут и там судачили об очередных чьих-то приключениях, откровениях, просветлениях и изменениях судьбы, и вот, набравшись духу и заверив меня, что она изучила все возможные трудности такой поездки и вполне подготовила себя к ним, жена уговорила меня купить билеты. Мы останавливались не в самых дешевых отелях и бывали не в самых бедных районах, однако в случае с Индией все это не играет никакой роли. Повсеместная грязь, вонь и картины устрашающего, нечеловеческого существования, открывающиеся из окна такси, поражают женщину еще на подъезде к отелю и впечатываются в ее память, кажется, навечно. Ни роскошные, по здешним меркам, завтраки, ни безбрежный океан, ни берущие за душу мелодии, исполненные в тишине лунной ночи задумчивым бородачом в чалме, не заставят ее забыть о том, что приборы в кафе подали невымытые, что хлеб принесли не с кухни, а с соседнего стола, только что окончившего обед, что у входа в ресторан меж ступенями скользнула гадюка и что какой-то мужик, из местных, справил нужду стоя в двух метрах от нас. Добавить сюда наперченную донельзя еду, атакующие отовсюду запахи сточных вод и отсутствие не то что пешеходных аллей, но хотя бы маломальских тротуаров вдоль дорог, наводненных тархтящими мопедами, навьюченными телегами и бредущими куда глаза глядят коровами, и понимаешь, что все это оставляет твою женщину запертой в четырех стенах отеля – здесь и обед приготовят без перца, и оградят от шума и пыли. Единственное неоспоримое богатство здешних мест, широченные песчаные пляжи, и тех она оказывается лишена. У индийцев в традиции настойчиво и довольно бесцеремонно разглядывать туристов. То, что это доставляет определенное неудобство, да и вообще, выходит за рамки всех приличий, им неведомо. Они будут стоять и смотреть, как вы стягиваете с себя одежду, и не сдвинутся с места, пока не выяснят, какого цвета у вас плавки и что лежит в карманах ваших брюк. Еще и заговорят с вами, если им что-то непонятно. Однажды индеец захотел взглянуть на мои солнечные очки и, когда я дал их ему, ничуть не смущаясь, нацепил их на себя, поглядел вокруг и одобрительно закивал, мол, недурственные у тебя очки, my friend. Интерес их чаще всего вполне безобидный, почти детский, но от этого не легче. Белокожая женщина моментально приковывает к себе внимание, и то обстоятельство, что ее сопровождает мужчина, мало что меняет. Попытки противостоять этому ни к чему не приведут – объяснять что-то им не станешь, отогнать не сможешь. Поэтому в большинстве случаев жена не купалась, а ждала меня на берегу, полностью одетая, под прицельным огнем десятков любопытных глаз. Ничего не поделаешь: таковы местные нравы, а мы здесь всего лишь гости.

После нашего возвращения жена просила никогда больше не предлагать ей ехать в Индию, разве что, уточнила она, настанет день, когда мы пресытимся комфортом и захотим самой простой жизни среди самых простых людей. Лично я совсем не уверен, что такие времена когда-нибудь наступят, во всяком случае, для моей жены. Женщина по природе своей существо утонченное, и надо быть натурой совсем уж не чувствительной, чтобы согласиться на эти тяготы добровольно. Хотя путешествие с женой требовало от меня неустанных усилий – я все время находился в поиске заведения почище и местечка поспокойнее, – в глубине души я не без удовлетворения убеждался: эти края не для нее. Вряд ли есть на свете мужчина, который обрадовался бы тому, что его спутница, получив за столом плавающего в тарелке жука, продолжила бы обед как ни в чем не бывало, а вляпавшись в коровий помет, который тут повсюду, отряхнулась бы и со словами «оригинальненько!» пошла бы себе дальше. Другое дело мужчина. Один мой знакомый лондонец, человек весьма обеспеченный, проводит на юге Индии месяца по три-четыре в году. Говорит, иначе ему не пишется, а музыка – его призвание и дар. Несколько лет назад Индия спасла ему жизнь: сломленный творческими неудачами, он совсем

опустился и отдал бы богу душу, если бы не друзья, которые притащили его сюда. Сами они с тех пор здесь не бывали, а он исправно приезжает каждый год. А чтобы не слоняться без дела, работает в баре – варит кофе.

Отлично помню, как первые недели после возвращения домой моя жена то и дело с благоговением приговаривала – ух ты, чистые тарелки! Белые чашки – ни трещинки, ни пятен! И на стул можно сразу сесть! И под ноги можно не смотреть! В те дни настроение у нее было приподнятое оттого только, что она находилась не в Индии. Прошло время, мы побывали с ней в других краях, тоже ярких и небезынтересных, но она все еще помнила Индию так отчетливо, как будто была там вчера. Ничто не могло перебить впечатления о ней. Стоило кому-то в разговоре захандрить, пожаловаться на скуку и лень, как она советовала – езжайте в Индию, начнете по-новому ценить свою жизнь. Если вдуматься, она не слишком преувеличивала: после Индии как-то по-особенному проникаешься и уютom собственного дома, и изысканным благополучием стран, в которых привык бывать. Так что опыт этот по-своему полезный. Но повторять его не хотелось. И только годы спустя, когда очередной зимой встал вопрос о том, куда ехать в творческий отпуск, в наших планах снова замаячила Индия. Что и говорить, климат в это время года здесь очень приятный, дни длинные, солнце мягкое, вода в океане словно теплая постель, в которой, переворачиваясь с боку на бок, можно нежиться часами. Что до меня, я бы отправился туда, не раздумывая, но совершать ту же ошибку я не собирался. Решено было, что первую часть поездки я проведу по своему усмотрению, а на те две недели, что ко мне присоединится жена, мы поселимся в каком-нибудь хорошем отеле, который я подберу, находясь там. Я собирался найти нечто такое, что позволило бы нам наслаждаться отпуском, не покидая территории, потому что знал: как бы жена ни храбрилась дома, оказавшись на месте, она и шагу не ступит за ворота отеля. Сейчас, сидя в Богмало и думая обо всем этом, я ощутил в душе беспокойство – не зря ли я это затеял, окажется ли место, куда я сегодня направляюсь, таким, как о нем говорят?

Такси для переезда в Канакону я заказал у того же отельного портъе, подумал, что так будет надежнее. И промахнулся. Казалось, мы с водителем обо всем договорились, но когда мы отделились от Васко да Гама уже на сотню километров и, по моим расчетам, должны были вот-вот прибыть на место, он вдруг остановил машину и принялся причитать и хлопать себя по лбу, показывая, что он до крайности огорчен. Я подумал, мы заблудились, но он сказал, что дело не в этом.

– А в чем тогда?

– Дело в том, сэр, что оплаты хватает только досюда.

– И что, ты высадишь меня прямо здесь?

Мы стояли одни посреди заброшенной местности. Справа и слева от нас дикие рощицы полуживых, иссушенных деревьев, сверху нещадно палит солнце, вокруг ни души.

– Мне очень жаль, сэр.

Я планировал оставить ему рупий триста чаевых, но нет так нет.

– Сколько?

– Еще пятьсот рупий, сэр.

– Сто, – ответил я с его же наглостью, тут ехать-то осталось всего ничего.

Мы сошлись на трехстах. Здесь ничего не меняется, подумал я про себя.

Я ехал к своему товарищу. Звали его Кипил, мы были знакомы по Непалу – пережили снежную бурю в горах Аннапурны и чудом остались живы. Я познакомился с ним в лагере на высоте под пять тысяч метров, здесь была последняя остановка перед длинным шестичасовым перевалом. Он отстал от группы, потому что не мог нормально дышать, говорил, что у него разыгралась аллергия на пыльцу какого-то дикого растения, но по-моему, с ним попросту случилась горная болезнь. Я же заночевал там из-за разболевшегося колена; хотел дать себе передышку, прежде чем пускаться в дорогу, тем более, я шел один, со мной был только портер.

Что бы там ни говорили интернетовские писаки, Торунг-Пасс перевал не из легких, и главная его трудность не в виляющих вверх-вниз, узких и шатких каменистых тропках и не в резких, сносящих с ног ветрах, возникающих аккурат к полудню и до вечера только усиливающихся, а в перепаде высот. Если ломит затылок, крутит живот, грудь сдавливает до тошноты, а ноги-руки слабеют и не слушаются, то о переходе нечего и думать. Горная болезнь так просто не отступит, и единственный способ продолжить поход – остановиться. Таких было немало, и все они оставались здесь, в базовом лагере, чтобы приучить себя к высоте. Кто-то сидел на месте, кто-то предпринимал короткие броски на двести-триста метров вверх и обратно в качестве тренировки, а кому-то приходилось повернуть назад, так и не сумев свыкнуться с высотой гор. Частенько между вершин кружили красные спасательные вертолеты – забирали тех, кому совсем плохо. Мы с Кипилом считали, что достаточно подкрепились и готовы одолеть путь. В тот день мы и представить себе не могли, что нас ждет. Все наши планы спутала внезапно начавшаяся снежная буря.

В общей сложности мы провели вместе шесть дней, из которых сутки просидели нос к носу в продуваемой насквозь деревянной хибаре, в обычное время служащей чайным домиком, и едва не замерзли насмерть. Поутру, еще в темноте, мы начали спуск. Выбирать было особенно не из чего – или околевать здесь, надеясь, что спасатели успеют добраться сюда раньше, чем мы отдадим концы, или спускаться на ощупь по скользкой непролазной тропе, проваливаясь по пояс в засыпанные снегом расщелины. Мы выбрали идти. О том, как мы шли, я не рассказывал потом никому, ни друзьям, ни жене. Есть вещи, которые лучше навсегда оставить при себе; слова, сказанные вслух, рисуют историю, подкрепят ее переживаниями, чьими-то, кроме твоих, и тогда она затвердеет, обрастет выдумками и превратится в семейную легенду, героическую и далекую от правды. Я этого не хотел. Спокойней жить, когда правду со всеми ее малоприятными подробностями, которых никогда не понять тому, кто не был на твоём месте, знаешь только ты. Да еще Кипил – индеец, живущий на другом конце света. Вышли мы, когда на часах еще не было шести, а на место пришли в пять вечера. За это время мы опустились больше, чем на полторы тысячи метров, это много и для нормальных условий, а мы к тому же обмерзли и шли впроголодь. Спустившись, мы упали и некоторое время лежали на земле. Как поняли потом, улеглись мы на солнечной равнинной площадке вблизи какого-то храма, увешанного флажками, в местечке Муктинат. Никогда не забуду эти минуты. От перенапряжения ноги тряслись так, что невозможно было ни сидеть, ни стоять, ни даже лежать, – мы легли, а ноги у нас дергались и вспрыгивали, и никаким усилием воли нельзя было заставить их вытянуться и полежать спокойно хоть минуту; неясно было, как при таком перенапряжении они держали нас еще час назад. Мы не разговаривали. Ни один из нас не терял сознания, мы молча лежали с открытыми глазами и ни о чем не думали. Меня наполняло странное состояние пустоты, но пустоты не черной и зияющей, а пустоты – ясности; в звенящей голове не было ни страха, ни восторга, пережитое не ужасало, будущее не сияло радужным сиянием, чувств не было, было лишь знание, что все есть как есть и нет ничего страшного ни в жизни, ни в смерти. Помню это удивительное ощущение понимания – не чего-то конкретного, а сразу всего, полностью и всеохватно, как будто с этой минуты ты смотришь на мир и все видишь, все знаешь.

Позднее нам сказали, что наверх трижды поднимался вертолет, что многих спасти не удалось, и даже портеры, а они, местные, выносливы как мулы, погибли. Тут-то к нам с Кипилом снова вернулись чувства. Перед глазами пронеслись лица, ставшие родными; когда идешь по тропе, невольно знаешь всех, кто идет по ней в эти же дни. Вы то нагоняете друг друга, то оставляете позади, то снова встречаетесь в столовой гостевого домика, выбранного на ночлег. За едой вы почти не разговариваете – все слишком устали для этого и думают лишь о том, как поесть, отогреться, просушить вещи и немного поспать. А если и говорите, то только о здоровье, погоде на завтра и о дальнейшем пути. Вы толком не знаете друг друга, но чувство у вас такое, будто все вы хорошие знакомые, почти семья. Я подумал о французе в красной куртке,

называвшим себя мастером рейки, и о его подруге со смущенным лицом, которую он никогда не представлял и которая, по всему видно, была его преданной ученицей. После нашего маршрута он собирался поехать в соседнюю Индию, чтобы поднабраться там знаний, и наверняка взял бы ее с собой и туда. Где они теперь? Живы ли? Я вспомнил группу израильтянок – до крайности аскетичных, экономящих каждый рупий девчат. Другой француз шел с матерью. Она была живенькая поджарая старушка, очень дружелюбная и разговорчивая, всегда шла впереди и никогда не уставала; сын плелся за ней из последних сил и при первом удобном случае мешком валился на землю отсидеться и перевести дух. Все подшучивали над ними, и она, зная это, ничуть не обижалась и объясняла всем, что привела его сюда, чтобы наконец сделать из него мужчину. Была еще моя землячка, тренер по йоге, москвичка. Как-то при мне она опустилась на камень посреди тропы и разрыдалась, потому что не могла больше идти, – горная болезнь вконец ее измотала. Я спросил, почему же она не вернется, ведь никто не обязан идти до самого верха? Придется так и сделать, горько сказала она и зарыдала еще сильнее. Послушалась ли она моего совета, вернулась ли назад, спасла ли тем самым себе жизнь? Похоже, такие же мысли носились и в голове у Кипила, потому что он вдруг опустил голову и заплакал.

Следующие двое суток у нас одинаково ломило ноги. Дрожь удалось унять, и теперь нас настигла крепкая равномерная боль, камнем сковавшая мышцы от бедра и до самой ступни; ноги будто решили дать ответ на невероятное напряжение, которому их подвергли. Ночью мы не могли спать, а днем едва передвигались на гудящих конечностях. И все же, несмотря ни на что, это была приятная мука. Мы знали, что боль эта имеет свой конец, и на душе было хорошо: мы уцелели, и впереди у нас планы, будущее, жизнь. А через три дня мы с Кипилом распрощались. Его ждали в отеле, где он служил, кажется, финансовым менеджером; меня никто не ждал, и я провел еще месяц в непальской Покхаре, городе, в котором начинаются и заканчиваются все походы вокруг Аннапурны. Хотя, прощаясь, мы договаривались встретиться – он непременно собирался побывать в России, а я хотел навестить его в индийском городишке, откуда он родом и о котором много рассказывал, – с той поры мы ни разу не виделись. Договоренность наша быстро забылась, утонув в повседневных делах, и Кипил стал для меня кем-то вроде боевого товарища из прошлого. Только раз в год мы выходили на связь. В первом же декабре я получил от него письмо, он поздравлял меня с католическим Рождеством. Сначала я удивился, но потом понял, что в отель, где он работает, приезжают туристы из Европы и Англии и что он решил поздравить меня по аналогии с ними. Ни к чему было объяснять, что в моей стране Рождество наступает в январе, и я поздравил его в ответ. Так мы переписывались из года в год, поздравляя друг друга с праздником, которого оба не отмечаем.

Собираясь в поездку, я написал ему. Я знал, что после Непала он намеревался круто изменить жизнь, так что я понятия не имел, где он теперь и чем занимается. Из его рассказов я помнил, что у себя на родине он должен был стать чуть не национальным героем: покоривший пятитысячную высоту уже герой, а узнав из новостей подробности опасного восхождения, люди вознесут до небес его чудодейственное спасение и станут почитать его как святого. Он отчетливо представлял себе свою новую жизнь. Говорил, что придется многое переменить и ко многому приспособиться, но ему это по силам. Отныне он собирался посвятить себя служению народу. Отель решил бросить, о карьере забыть – святые в Индии живут за счет добрых дел и подношений. Имущество он думал раздать, оставив только то, что позволило бы прокормиться его матери, четырем сестрам, младшему брату и жене. Оказалось, он давным-давно мечтал о такой доле, еще мальчишкой хотел уйти в монастырь, а после – проповедовать, но дядя, глава семьи, запретил. И вот теперь старые мечты вновь обретали крылья. Так вот для чего судьба направила меня в Непал, твердил он. Я спросил его, как воспримут это решение его близкие. Дядя больше не сможет ему помешать, уверенно сказал он. А жена? У них тогда уже был ребенок, и вот-вот должен был родиться второй. Он только плечами пожал: «Не знаю. Наверно, не обрадуется. Но какое это имеет значение?». Отправляя ему письмо, я так и видел его сидящим

в окружении свиты, среди дымящихся благовоний, с очередью под дверьми из многочисленных паломников, жаждущих прикоснуться к святыне. Вполне может быть, ему теперь совсем не до меня, думал я. Но он страшно обрадовался моему письму, сказал, что по-прежнему работает в отеле, только теперь в другом, в «Раджбег Паласе», в уважаемом курортном местечке в южном ГОА, и звал меня туда. Поскольку никаких определенных планов у меня не было, я согласился.

Он встретил меня сам. Выбежал из отеля, едва такси остановилось у дверей, и мы обнялись как старые друзья. Было непривычно видеть его в костюме – в горах мы видели друг друга замурованными в одежду, а ночью в спальники, – к тому же, он стал носить очки. Выглядел он как настоящий офисный начальник. С ним выскочили двое парнишек в шлепанцах на босу ногу, отвесили мне приветственные поклоны и понесли мой чемодан. Мы вошли в лобби. Кипил повел меня наверх. Открывал чуть не все подряд комнаты, предоставляя мне на выбор любую. Все они были одинаковые, обставленные только самым необходимым, разве что в некоторых имелся крохотный балкончик со втиснутыми в него двумя стульями, однако комнатам, как могли, придали уют: на кроватях лежали покрывала абрикосового цвета в тон таких же светлых розоватых стен, полотенца сложены лебедями, кое-где поставлена вазочка с цветком. Ванные всюду на индийский манер – в стене душ, в полу дырка, вот и вся ванная. Я попросил номер на тенистой стороне; окна, хотя и зашторенные, пропускали солнце, в комнатах было душно, нагрето, очевидно, жара здесь стояла нешуточная. Кипил должен был отлучиться по делам, и мы условились посидеть вечером в каком-нибудь баре. Велев мне чувствовать себя как дома, он оставил меня на попечении помощника, одного из тех парнишек, что встречали меня внизу, и тот взялся показать мне все – отель, окрестности и пляжи.

Я с нетерпением дожидался вечера. Наконец мы с Кипилом сели за стол и заказали по кружке пива. В баре, кроме нас, не было ни души. Мы с жадностью уставились друг на друга, не зная, о чем спросить, с чего начать, – так бывает, когда, мало того, что не видел человека долгое время, так еще и плохо представляешь, чем он вообще живет и что его волнует. Я снова отметил, что он изменился. Возможно, он думал то же и обо мне. Он был нетипичного для индийца телосложения – под два метра ростом, силен и крепок; в горах, во всей положенной экипировке, он казался человеком во всех смыслах мощным и решительным. Сейчас же в нем появилась какая-то податливость, желание угодить. Быть может, сказывалась его работа – принимать гостей. В костюме он был как в консервной банке, пиджак сковывал его плечистую фигуру, рукава, казалось, вот-вот треснут под напором здоровенных рук. Мужественное лицо с квадратным подбородком, придававшее ему храбрый и геройский вид на фоне гор, сейчас выглядело довольно нелепо, как будто отказывалось принадлежать человеку в тесном дешевеньком костюме. Высказывался он радушно, казалось, был искренен во всем, о проблемах здешней жизни говорил с юмором и часто понимающе вздыхал – well, this is India – мол, чего тут можно ожидать, но нельзя было сказать наверняка, думает он так или вторит мне, иностранцу, как и прочим гостям, чтобы сделать нам приятно. Кое-как преодолев полосу банальностей и общепринятых вопросов, мы свернули на события последних лет. Я узнал, что у него родились еще дети, – об этом он сказал буднично, без всякой радости, как будто это было привычным делом и не могло принести ему ничего, кроме хлопот, – и что семья переехала с ним сюда и жила в деревне поблизости. Больше всего мне хотелось знать, что стало с его планами. Насколько я мог судить, здесь, в отеле, почестей ему не оказывали, и ничто пока не указывало на то, чтобы кто-то видел в нем героя прошедших событий. Мне не терпелось узнать, как встретили его на родине и удалось ли ему претворить в жизнь все то, что он задумал. Ступил ли он на путь проповедника или еще только готовится? И как так вышло, что он снова вернулся к работе в отеле? Зрочки Кипила, расширяющиеся по мере того, как я перечислял свои вопросы, ясно давали мне понять, что я жестоко ошибался. О переменах, что он грезил в Непале, он, по всей видимости, начисто забыл. А когда я напомнил ему его же слова, он осыпал меня громкими

возгласами восторга, дивясь моей памяти. Я же тем временем удивлялся другому, тому, как быстро и навсегда выветрились у него из головы его грандиозные планы. Неужели так бывает? С его слов, не успел он вернуться из Непала, как умер дядя, тот самый, что когда-то поставил крест на его мечтах, и, поскольку Кипил был одним из старших братьев среди бесчисленной индийской родни, на него легли новые семейные обязанности.

– Но тебя хотя бы встретили как героя? – спросил я. Встретить-то встретили, сказал он, но дядя вмиг перетянул одеяло на себя, упав с лестницы и повредив позвоночник аккуратно на следующее утро после триумфального возвращения племянника. Вся семья сосредоточилась на лечении больного, а затем на его похоронах. Были родственники со всех уголков страны. До Кипила дело так и не дошло. Я спросил его про Ману, городок, откуда он родом, и про кузена, что неудачно женился (за невестой не дали приданого, и он выдвинул тестю неслыханный ультиматум – либо обещанное приданое, либо он возвращает невесту в родительский дом). Кипил подпрыгивал от радости, снова и снова удивляясь тому, что я помню такие подробности его жизни. Еще бы: сам он ничегошеньки обо мне не помнил. С одной стороны, у всех нас разная память, да и потом, к чему ему было вспоминать обо мне? А с другой, мне все-таки было досадно. Выходит, наши душевные беседы там, на высоте, наши откровенные признания и засвидетельствованные обещания – все это растворилось без следа, как будто ничего и не было. А ведь не один Кипил давал себе слово, я тоже поклялся себе кое в чем и, отправляясь сюда, приготовился поведать ему свой рассказ, в некотором роде, отчитаться, а глядя на него сейчас, испытывал одну только неловкость, и за свои тогдашние откровения, и за нынешние глупые надежды. С чего я взял, что он сдержит слово? Что помнит обо всем? Что для него это так же важно, как для меня? А может, и слава богу, что он обо всем забыл, успокаивал я себя и все же весь вечер не мог отделаться от горькой, почти мальчишеской обиды – словно бы меня друг предал.

Дни в «Паласе» потекли медленно и длинно. Отель стоял почти пустой. Из постояльцев мне встретились только две немецкие пары, компания англичан, остановившаяся лишь на ночь, и один одишешенец итальянец – его друзья жили где-то у пляжа, а он приехал позже и, не найдя места рядом с ними, поселился здесь. Русских тут отродясь не бывало. Кипил говорил, что к выходным ожидают большую индийскую группу, и тогда мне придется повоевать за столик во время завтрака. А пока я наслаждался тишиной и покоем. Повар, всегда один, готовил специально для меня – в программе отеля был предусмотрен шведский стол, но, за отсутствием гостей, его не держали. Большого разнообразия в меню не наблюдалось, зато яичницу, блинчики или жареный рис я мог получить, когда пожелаю. Иногда готовили десерты. В такие дни мне сообщали об этом с самого утра, и официант, деревенского вида парнишка, никогда раньше не получавший чаевых, торжественно выносил мне тарелку пропитанного сиропом бисквита. Я никак не мог втолковать ему, чтобы чай и десерт он подавал одновременно, он всегда приносил чай и ждал, когда я его допью, и только после этого бежал за сладким. Зато в остальном был старателен и услужлив донельзя. Все то время, что я проводил за едой, он стоял по стойке смирно в другой части столовой и глядел на меня оттуда, прямо и неприкрыто, готовый по первому зову броситься к моему столу. Если я хотел поработать, то приходил сюда же; кроме тесного лобби с четырьмя креслами, в которых всегда кто-нибудь да отдыхал – или уморившийся на жаре немец, или парнишки Кипила, ленившиеся проводить на ногах целый день, – свободного уголка в отеле не было. «Палас» был отель аккуратный, скромный и без излишеств. Стоял он на маленьком клочке земли и не располагал ни сантиметром свободного пространства: вокруг здания, за узкой полоской растительности сразу шел забор, за ним дорога; ни дворика, ни сада, ни тенистого деревца со скамьей, где можно было бы спрятаться от солнца или посидеть-помечтать на сон грядущий, глядя в звездное небо; только под окнами столовой на первом этаже цвел крохотный квадратик земли, усаженный розовыми кустами, но и там было ногу поставить некуда.

Та же сонная тишина простиралась и за дверями отеля. На улице, когда ни выгляни, было пусто и жарко. По дороге изредка проходили женщины в сари, проезжал на повозке индус. Путь к океану пролегал сквозь заброшенную пальмовую рощу, которая полна была торчащих во все стороны коряг, и те пятнадцать минут, что я шел по ней, я каждый раз рисковал или в кровь оцарапать ногу, или получить прутком по лицу. Тропинка между пальмами вдруг обрывается, и ни с того, ни с сего посреди деревьев обнаруживается жизнь: между стволами натянута веревка, на ней висят лоскуты чьей-то одежды, позади шалаш, сделанный из веток и тряпья, а там люди, дети. Идешь на другой день, а от жилья и след простыл, только бревна на земле валяются, да мусор разбросан. Ближайший пляж, Раджбэг, показался мне совершенно диким – огромное пространство из песка и барханов, по которым не так-то легко шагать, утопая в сыпучем песке, да тяжелые мутные волны, грозно набегающие на пустынный берег. У самой кромки песок плотный и глинистый, и от этой склизкой красноватой глины ступни моментально окрашиваются, а вода у берега шипит такой подозрительной буро-малиновой пеной, что заходить в океан и вовсе не хочется. Я ни разу не видел, чтобы здесь кто-то купался. Сам я залез в воду разок, в день, когда волны показались мне не такими буйными, но быстро выскочил на берег – мне чудилось, что меня то закручивает волна, то тянет вниз толстое илистое днище, и я больше натерпелся страху, чем поплавал. Зато если взять тук-тук – бодренькую машинку с отверстиями вместо окон, через которые тебя всю дорогу обдаёт градом встречного ветра из мусора и пыли, и наружу ты выходишь в песке с головы до ног, – за сто рупий тебя довезут до знаменитого Палолема, а там совсем другая жизнь. На Палолемелюдно, празднично. Здесь лучший пляж – длинный, изогнутый, обрамленный густыми зелеными пальмами, хранящими прохладу и тень, с мягким пологим входом и послушными волнами, баюкающими словно детская колыбель. Днем здесь кого только нет, и вечером, ближе к семи, все разом усаживаются на песок лицом к воде, в прибрежных ресторанчиках разворачивают стулья в ряд, и сидят так, всем пляжем, как в театре, глядят на заходящее солнце час, другой, пока совсем не стемнеет, пока официанты не зажгут на столах свечи, пока на пляж не опустится черная ночь и океан не сольется с небом, – тут уж начнут и там, и сям громыхать фейерверки, озаряя темноту праздничным разноцветьем огней, затем поднимутся в небо, покачиваясь, бумажные фонари; пышущий жаром воздух, идущий от песка и от воды, подхватит их, понесет в прохладную высь, и еще долго они будут плыть в ночи, мелькая тонкими свечками среди крупных и неподвижных звезд, заставляя нас заирать кверху головы и следить за ними, думая о вечности и о любви.

Все здесь просто и безыскусно, но до того романтично, что трогает до самого сердца. Если уж везти куда-то свою половину, то только сюда, думал я.

С Кипилом мы виделись каждый день. В восемь утра он заступал на свой пост и не покидал его до позднего вечера. Кроме двух парнишек, которые занимались уборкой номеров и выполняли всякие поручения, помощников у него не было. Насколько я мог судить, отель держали в большой экономии, и на плечах Кипила лежали самые разные обязанности. Он, как истинный человек-оркестр, делал все. Встречал и провожал гостей, обустроивал их жизнь в отеле и поддерживал беседы с каждым, кто, заскучав, заглядывал в лобби пожаловаться на жару и поболтать. Он лично планировал закупку продуктов и прочих хозяйственных нужд, а однажды я застал его подстригающим кустарник – он стоял, как был, в костюме, с садовыми ножницами в руках, и, морщась и отворачивая лицо, пытался обрезать жесткие ветви. После завтрака, когда постояльцы расходились, он обычно поднимался наверх, как он говорил, в свой офис, поработать с документами – бухгалтерия тоже была на нем. Как-то, не застав его в лобби, я спросил у парнишек, где босс, и они, зная, что мы с ним друзья, проводили меня к нему. Мы поднялись по ступеням и оказались в помещении без окон, освещенном тусклым светом настольной лампы; потолок был такой низехонький, что мне пришлось наклонить голову, чтобы войти. Перед компьютером сидел, согнувшись, Кипил. Увидев нас, он вскочил на ноги, выдворил нас всех обратно и сам спустился вниз, по дороге отругав своих подчиненных за то,

что привели меня туда. Неудивительно, что он рассердился, – это была на редкость бездушная, убогая комнатенка, не предназначенная для чужих глаз. В самом Кипиле не было ни помпезности, ни власти. Хоть он и был здесь главным, хозяина из себя не строил и со своей малочисленной командой обращался без характерного восточного чванства, мог разве что иногда отругать своих парнишек, но с тем только, чтоб они совсем уж не разленились от жары и от недостатка гостей. В некоторые дни в отеле крутилась девочка лет десяти, ее худенькое тельце, облаченное в джинсы и футболку, с косынкой на черных волосах, мелькало то там, то тут, и вот с ней одной Кипил, пожалуй, был суров, покрикивал на нее, а в остальное время попросту не замечал, и, я видел, она часами возилась наедине с собой, по сотому кругу протирая столы и начищая окна. Выражение ее глаз было до боли грустным, казалось, она убита горем. Она не смела зайти за стойку и не приближалась к гостям, даже не смотрела в нашу сторону, а стоило кому поздороваться с ней, она складывала ладошки на груди, опускала голову и, прошептав еле слышно «good morning, sir», тут же исчезала. Я подумал, что это, должно быть, чья-то родственница, взятая на работу с младых лет, иначе что здесь делать бедному ребенку? За работу ей, разумеется, не платят. Похоже, думал я, Кипилу эта затея тоже удовольствия не доставляет, потому-то он так с ней строг. Наверняка он против, но поделать ничего не может. Как-то она появилась за окнами столовой в тот час, когда мы с Кипилом пили чай – он с радостью составлял мне компанию за столом, – и я спросил его, кто эта девочка.

– А, это, – небрежно откликнулся он. – Моя старшая дочь. Ей уже восемь.

Со стороны мы выглядели как старые друзья, но на деле больше не были ими. Мы заново познакомились друг с другом, особенно Кипил – я был для него как белый лист бумаги, чужак с неведомой земли. Он говорил со мной так, как если бы я был для него сегодняшним знакомый и знать не знал всех тайн, что он успел поведать мне в горах; я никак не мог к этому привыкнуть. Наше повторное знакомство обнаруживало, как мало между нами общего. Там, на чужбине мы понимали друг друга с полуслова и говорили ночи напролет, а здесь были словно с разных планет. Я начинал думать, что то, что было в горах, – всего лишь иллюзия, мое воображение, усиленное чрезвычайными обстоятельствами. Такое впечатление, что я говорил тогда сам с собой, а он просто кивал, хотя я-то считал, что мы на пару с ним философствуем. Сейчас он тоже выражался неглупыми фразами, но рассуждал так поверхностно и обще, как будто ничто не задевало его лично. Повторял заезженными словами всем известные факты, и на этом все. Интересовался многим и ничем определенно. У него была дурная привычка, возможно, профессиональная, менять направление мысли, подстраиваясь под собеседника, и в конце концов я смирился с тем, что так никогда и не узнаю, что он в действительности думает, если, конечно, у него вообще имеется свое мнение на тот или иной счет. При всем при этом он относился ко мне с непритворной сердечностью. В его глазах мы были и оставались друзьями, и то, что он совсем меня не знал, его не смущало, для него это было не главным. Мне же он казался другим человеком. И все же я думал, что, случись мне снова пройти через Непал, я опять пошел бы с ним, не раздумывая.

Однажды он повел меня к себе домой. Он приглашал меня с самого начала, но я не проявлял энтузиазма, догадываясь, что знакомство с его родней будет мало похоже на то, что я понимаю под дружеским вечером в кругу семьи. Но он не переставал звать меня, и мне показалось, если я буду уклоняться и дальше, это может его обидеть. Мы пошли. Я собирался прихватить каких-нибудь гостинцев. С собой у меня ничего не было, и я предложил заглянуть куда-нибудь по дороге, купить сладостей к столу. Кипил запретил мне покупать что-либо.

– Нет никакой необходимости в подарках, – твердо заявил он. – Ведь ты уже подарил мне шорты.

Я и правда подарил. На треке, пока позволяла температура, мы шли с ним в одинаковых шортах – вероятно, отоварились в одной и той же покхарской лавке. Обычные шорты ниже колен, на бедре ярко-оранжевой ниткой вышиты силуэты гор и два слова «Annapurna Trek».

Как-то утром, поднявшись после ночевки, Кипил не обнаружил их на веревке – ночью кто-то спер его свежевыстиранные штаны. Он сильно расстроился и, сколько мы с ним торчали наверху, все сокрушался об этих шортах. Поклялся, что, если останемся живы, купит их, как только спустится вниз. И так бы и сделал, но когда мы спустились в Покхару, таких же точно найти не удалось. Я никогда не думал, что человек способен так огорчиться из-за пары штанов. Мы вернулись целы и невредимы, ели вкусную еду, мылись в душе, спали в кроватях и наслаждались жизнью, а он думать не мог ни о чем другом. Я до того удивился, что надолго это запомнил. И когда стал собираться в поездку, решил порадовать друга, купил на рынке около дома шорты за пятьсот рублей, добавил еще столько же, и таджичка Гуля там же, в рыночном ателье, настрочила оранжевые горы и буквы Apparigna Trek. Я давно уже отказался от идеи привозить друзьям-иностранцам наши русские сувениры; по моему опыту, Ломоносовские сервизы нужно дарить только тому, кто коллекционирует фарфор, а ушанку с буденовкой везти ценителю оригинальных головных уборов. И в этот раз я тоже не ошибся: Кипил был счастлив как ребенок. Хоть о шортах он не забыл.

Так мы и пришли к нему в гости с пустыми руками. Домишко это был самый обыкновенный, одноэтажный, он арендовал его на время работы в отеле. Окна в нем были сплошь завешаны тряпками, вероятно, от солнца и от посторонних глаз, из-за чего тесные комнатки казались еще теснее. Домочадцев он мне не представил. Когда мы с ним вошли, нас никто не встречал, хотя слышно было, что в доме люди. Он пригласил меня в одну из комнат и усадил на единственный свободный стул, сам скинул с другого какие-то вещи и тоже сел. Под потолком крутил нагретый за день воздух вентилятор, дышать было нечем. Тем не менее, мы о чем-то поговорили. Вскоре к нам вышла дочь; та самая грустная девочка, что встречалась мне в отеле, принесла орешки в пиале. Краем глаза сквозь незакрытую дверь я видел, как мимо комнаты с криками носился мальчонка, его поучала сестра, девочка лет пяти, слышались женские голоса. Кипил держался так, будто кроме нас тут никого не было. Он не отвлекался на шум и пытался вести со мной светскую беседу. Лишь раз только, когда около двери появилась фигура в сари и посмотрела на нас, он прервался; не знаю, была ли это его жена или кто-то другой, на всякий случай я поднялся со стула поприветствовать ее. Кипил сказал ей что-то, указывая на меня, может, велел войти и поздороваться. Она пролепетала что-то в ответ и исчезла. Я ничего не понял. Кипил только рукой махнул. Мы посидели еще немного и вернулись в отель.

Уже неделя, как я гощу у Кипила, а я так и не приступил к главному. Я приехал писать, и как раз это мне удавалось хуже всего. Как и всякий писатель, у которого застопорился текст, я винил в этом то неудобное кресло, то погоду. В отеле было мучительно жарко. «Палас» стоит на пригорке и с рассвета до заката поджаривается солнцем со всех сторон, как курочка на гриле. За день здание нагревается так, что удивляешься, как оно еще не обуглилось и не почернело. После обеда в нем невозможно находиться, и даже когда на дворе уже стемнело, внутри все еще чувствуешь себя как в печке. Ветра нет, и продуть комнату нельзя. Распаренный воздух стоит недвижим, и не то, что писать, дышать не хватает сил. Заснуть в такой духоте удается с большим трудом. Только под утро в комнате свежеет, и только утром получается поспать. У пляжа обстановка значительно лучше, там густые пальмы зонтиком защищают местность от огня, с океана веет влажностью и каким-никаким ветерком, и, если не брать во внимание запахи вокруг, можно наслаждаться свежестью и чувствовать себя вполне счастливым. Другое дело, что здесь некуда приткнуться, чтобы писать. Повсюду галдит народ, и нигде не найти настоящей тени – даже под навесом солнце слепит экран, не давая прочесть то, что ты только что написал. Пожалуй, я сумел бы писать и вслепую, и справился бы и со всем остальным, если бы у меня было главное, сюжет. Я ехал сюда, имея в голове парочку идей, но мои главные надежды были связаны с Кипилом. Все мои замыслы меркли перед историей, которую я предвкушал услышать от него. Именно такой герой, как Кипил, был мне нужен. В своих мечтах я уже набрасывал сценарий, где мой герой, попав в переделку (снежная буря в горах), пере-

осмысливает свою жизнь (скучное существование отельного клерка), осознает свою истинную цель (служение высоким целям) и, чудом уцелев, берется за осуществление планов. Тут его поджидают разнообразные трудности, но он преодолевает их и героическим усилием достигает того, к чему стремился. Вот чего я ждал от Кипила. Первая часть сценария была мне хорошо известна – я жаждал знать развитие, финал. Я готовился к рассказу о том, как он шаг за шагом шел к своей цели. Я хотел знать, каким был этот путь. Пришлось ли ему противостоять родне, испытывать одиночество, непонимание, страдать, случилось ли раскаиваться в своем решении, кто поддерживал его, и что давало ему силы – на эти вопросы мне должен был ответить Кипил. Когда он написал мне, что работает в «Паласе», он только подогрел мой интерес. Я спрашивал себя, что это могло означать. Пошел ли он на попятную, или это часть его плана? Вполне может быть, он не смог отказаться от денег – не так-то легко разом лишиться себя всех земных благ. А может, думал я, его удержала любовь? Романтический след в таких историях – обычное дело. Во мне разгоралось любопытство, тот самый интерес к человеческой судьбе, который заставляет меня садиться и писать. Сам факт, что Кипил снова служил в отеле, ничуть не умалял его истории в моих глазах. Так даже лучше, думал я. Если он и не достиг своей цели, он все равно пришел к чему-то новому, и я хотел знать, к чему. Что он понял, в чем изменился? Я готов был к любому повороту в его судьбе. Если вдруг он не стал ничего предпринимать – такое тоже приходило мне в голову, – это также могло стать достойным сюжетом. Изменить свое решение в таком судьбоносном вопросе, я считаю, тоже поступок. И на него есть свои причины. И о них любопытно узнать. Единственное, чего я никак не ожидал, так это того, что Кипил и думать забудет о данном себе обещании. У его поступка не было ни причин, ни объяснений. Да и поступка, в том-то и беда, тоже не было – он попросту забыл о том, как собирался поступить. Стоило тащиться в такую даль, чтобы увидеть, что он ни черта не сделал из того, что наобещал! – ворчал я про себя. И сам понимал, что напрасно, Кипил тут ни причем. В конце концов, не мне же он дал слово, а себе. Я сам насочинял о нем бог знает чего и сам же теперь страдал – настроился на мощную историю о преодолении себя и растерял интерес к другим сюжетам, все они казались мелковатыми, не новыми и не шли. Коротая часы на Палолеме – я проводил здесь вечера в надежде оказаться в отеле как можно позже, – я в который раз прокручивал в голове наши горы. Вспоминал, как тащил его на себе. Как в ту ночь, что мы застряли наверху, мы пережили заново свои коротенькие тридцатилетние жизни. Помню, как мало важного оказалось в этих прожитых годах: два-три человека, две-три встречи, два-три слова, вот и вся жизнь, а дома-то казалось, что каждый день битком набит важными делами и людьми. Помню, как нас одновременно накрыл страх. Как мы больше не могли держать лицо. Как мы вдвоем трусили и подбадривали друг друга глупыми безнадежными словами. Помню как сейчас тот миг, когда с тебя слетает спесь, когда ты признаешь – не можешь не признать, – что только мнил себя сильным, а сам слаб, и жалок, и труслив, и весь зависишь от чего-то или кого-то, кого ты раньше и не замечал. Так, бывало, думал о нем иногда, разглагольствовал, закинув ногу на ногу, но никогда не знал наверняка, есть он или нет. А тут ты знал. Не верил, а точно знал. И потому просил, и клялся, и молил. Признавался, что зазнался. Что, дурак, не рассчитал. Обещал, что больше никогда и ни за что не полезешь в горы, даже думать о них забудешь, – пусть только даст тебе пройти. И как забыть потом то чувство, когда ты понимаешь, что дошел, что живой, что все, с чем успел попрощаться, снова с тобой! Опыренный, ты чувствуешь в себе такую силу, что понимаешь – если ты смог сделать это, ты можешь все. Все! Что бы тебя ни ждало внизу, тебе это по плечу, потому внизу не проблемы, внизу так, мышьяная возня по сравнению с тем, что было здесь.

Отличная завязка, думал я. Сильные, правдивые чувства. Но что за нелепый финал! Тут ждешь каких-то поступков, а мой герой плюнул на все и стал жить, как жил. Да уж, придется смириться с тем, что с Кипилом я не угадал. Его история не то что на роман, даже на рассказ не потянет.

– Только не бросай эту тему, я тебя умоляю! – кричал в телефон издатель. Перед отъездом я поделился с ним своими мыслями, и теперь он ждал продолжения не меньше моего. Звонил мне каждый день, пичкал меня советами, уговаривал, льстил, напоминал о сроках, в общем, как обычно, аккуратно напирал. – Такие темы на дороге не валяются! Хватай этого типа и выжимай из него все!

Да было б что выжимать.

– Поищи еще! Должно же быть что-то! Такая фактура! Такой типаж! И ты там, на местности, видишь все своими глазами! Это же Индия! Индия сейчас снова в моде! Нельзя упускать такой шанс! Пользуйся моментом!

Я не видел его глаз, но точно знал, что сейчас в них мелькают цифры – он уже видел тиражи, которые сумел бы продать.

– Ты ведь знаешь, кто выиграл Сан-Ремо в этом году? – Хитрый лис знал мою любовь к итальянской музыке. – Парень, который спел про Индию. Медитации, йога, столкновение западного и восточного миров, и все такое. Это сейчас снова на волне! Понимаешь? Поговори с ним еще, ты же умеешь! Выуди что-нибудь!

Поначалу я и сам надеялся нащупать что-нибудь стоящее. По опыту я знаю, что иногда надо оторваться от своего плана и дать всему идти своим ходом. Возможно, сюжет о грандиозных переменах судьбы застилает мне глаза и мешает увидеть что-то другое, достойное внимания. Я снова думал о Кипиле. Крутил его и так, и эдак. Ничто в нем не вызывало во мне вдохновенного толчка к тому, чтобы писать. Ему вот-вот должно было стукнуть сорок. Возраст такой – вздохнул он, когда мы об этом заговорили, – что поздновато мечтать о переменах. Удержаться в должности управляющего да послужить подольше в таком приятном месте, как «Раджбаг Палас», – вот и все, на что он надеется в жизни.

– Вот и напиши об этом.

Да о чем тут писать?

– Напиши, как есть. Правду. Покажи контраст! Контраст между тем, что он мог бы сделать и не сделал!

Нет, это слишком скучно.

– Ничего не скучно! Анализ, размышления – сейчас это на пике моды! Да и психология – твой конек!

Такое впечатление, что ему все равно, о чем будет книга, лишь бы я ее написал.

– А что если так, – звонил он еще через день. – Тебе нужны действия? Пожалуйста! Его огрели по башке, и он все забыл. А теперь увидел тебя и все вспомнил. Хватается за голову. Решает вернуть свои планы. И начинает что-то делать. Как тебе?

Да что делать-то? Он же ничего не делает!

– Придумай! Ты же писатель. Сделай его таким, каким бы хотел его видеть сам! Что он, по-твоему, должен был сделать? Вот об этом и напиши! И не забывай, на этот раз нам нужен хеппи-энд!

Ну уж это будет чистой воды обман. Я же знаю Кипила – он не такой. Он не переживает, что обо всем забыл. И ни о чем не сожалеет. Я не стану лепить из него другого человека.

– Я понял! – услышал я на следующий раз. – Хватит гоняться за привидениями, бросай этого типа к чертовой матери и пиши о себе! Ты же был там! Расскажи, как ты шел! Что чувствовал, что видел, кого там встретил. Личный опыт – это то, что нужно! Сейчас все с ума посходили на этом! Никто не хочет читать чьи-то выдумки! Всем подавай реалии! Дневники сейчас идут на ура!

Он думает, что горный трек это прогулка на природе, идешь себе, глядишь по сторонам, а вечером сидишь с бокалом вина и болтаешь с соседями. Мой поход в Непале был одним сплошным выживанием. Да, там, кажется, было красиво. Но любоваться закатами мне было некогда. Как и думать о жизни. Мысли, если и приходили, обрушивались каскадом, и не было

сил анализировать их на пути. О чем тут писать? Путеводителем я быть не хотел. А то, что пересмотрел и передумал после этого похода, касается только меня, я не хочу об этом говорить. Да и потом, тут нет материала для романа.

Так я сидел в раздумьях до самой ночи. В отеле мучился от жары, на пляже от невозможности писать и повсюду – от напора издателя. Черт бы его побрал! Я и без того чувствовал, что только теряю время.

– Садись и пиши. Прямо сейчас. Твоя история уже стучится к тебе. Она ждет тебя. Ждет, когда ты тоже будешь готов.

Это говорила мне мадам Альбабур, предсказательница. Если б мне не сказали, что она индианка, я бы решил, что она откуда-то с Кавказа. Монументальные черты лица, тяжелый взгляд, медлительная речь с излишне отчетливым выговором, и каждое слово увесистое как кирпич.

– О мой бог! У тебя так много мыслей в голове! – Это было первое, что она сказала, взглянув на мою ладонь. По ее тону понятно было, сколь невысокого мнения она об этой моей черте. Похоже, иметь много мыслей считалось у нее недостатком. – Тебе надо больше медитировать, успокаивать ум, иначе... – Она покачала головой, что ясно означало: иначе мне крышка.

Длинным ногтем с давнишним маникюром она водила по моим рукам, изучая линии, вздыхала и бросала на меня тревожные взгляды. Я был уверен, что сейчас мне сообщат плохую весть, и мысленно пожурил Чапрама, отправившего меня сюда. Но завершив осмотр, она распрямилась, сняла с носа очки и посмотрела на меня так, будто только что раскрыла тайного агента:

– Ты будешь писать. Много, много, много писать. Твои книги прославят тебя. На весь мир. Это твоя судьба. Хочешь ты или нет.

Она произнесла это с таким лицом, будто всей душой желала мне лучшей доли, но помочь ничем не могла. Я сказал, что уже пишу. Она победно улыбнулась:

– Вот видишь. Мадам Альбабур никогда не ошибается. Никогда!

Только всемирной славой пока и не пахнет.

– Тебя ждет большой успех, можешь не сомневаться. Тебе ничего для этого не нужно. Просто пиши. Не переставай писать. Остальное случится само.

Ее слова звучали как приговор. В ее глазах я был обречен писать, прославиться и разбогатеть.

– Я вижу тебя на пьедестале. Тебя награждают. Твои книги летят по всему миру, на запад и на восток, уф-фф... – Она раскинула руки, показывая масштабы моего успеха.

– А «Большую книгу» я получу? – вырвалось у меня.

– Что?

– Это премия такая.

– Нет, – отрезала она, посмотрев в свои карты. – Не вижу. В этом году точно нет. В этом году ты будешь писать. Эта книга уже близко, вот она здесь, около тебя. Это книга о человеке, который сумел преодолеть судьбу. Это личная история. Настоящая. Непридуманная. Ты не должен ничего сочинять. Ты просто напишешь правду, и книга понравится. Ее захотят прочитать все.

Сговорились они все, что ли? Эти же слова я слышу от издателя каждый божий день.

– Ты обязан это написать, – уловив мои сомнения, мадам Альбабур гипнотизировала меня взглядом. – Это нужно не только тебе. Это нужно всем. Всеми миру. Не жди. Садись и пиши. Твоя история уже стучится к тебе. Она ждет тебя. Чем быстрее ты начнешь, тем лучше.

К тому времени, как я познакомился с мадам Альбабур, моя жизнь в «Паласе» достигла пика своей бессмысленности. Писать не получалось. Говорить с Кипилом нам было уже не о чем, и я чувствовал, что, если вскоре не уеду, скука и болтовня ни о чем, которой мы зани-

мали себя при встрече, похоронят остатки нашей непальской дружбы. Я был сыт по горло яичницей с рисом, которые повар предлагал мне, когда бы я ни появился в буфете. Целыми днями я торчал на Палолеме – купался, обедал в разных кафе, а в остальное время сидел на песке, глядя на океан. Я думал, куда бы двинуть дальше. Пора было искать отель для жены. Мне нравился Палолем. Конечно, тут были и нищие, и надоедливые продавцы, бывало, заглядывали и коровы, оставляя после себя следы, а без них это делали собаки, сворами носившиеся по пляжу, не ведая ни страха, ни преград, но все это с лихвой окупалось: океан здесь был бесподобен. Смотреть на него, купаться в нем было сущим наслаждением. Вряд ли я мог бы найти пляж лучше, но с жильем здесь было туго. Я обошел ближайшие к пляжу отели, посетил так называемые апартаменты и новостройки, но так ни на чем и не остановился. У берега стояли одни только хижины, в которых я и сам не стал бы жить, не то что везти туда жену, а отели покрупнее и подороже, что находились в стороне от пляжа, стоили заоблачных, ничем не объяснимых денег и при этом тоже никуда не годились. Главное, им всем недоставало места. Ютиться в душных номерах, а днем топтаться у бассейна вместе с другими постояльцами мне совсем не хотелось. Не наездишься и на пляж, по такой-то жаре. Одним словом, Кипил здорово преувеличил, назвав эти места респектабельным курортом. Я принял решение ехать в другие края и напоследок заглянул в «Лали», для очистки совести. Он стоял по соседству с нашим «Паласом», и каждый день я смотрел на его стойкий непроницаемый забор, сквозь который мне ничего не было видно. Черные кованые ворота выходили на улицу и были единственным оживленным местом в нашей глуши: днем и ночью их подпирали охранники, запуская внутрь автомобили прибывших гостей, рядом, дожидаясь удачи, сутки напролет дежурили таксисты. Рикшей здесь не держали; по-видимому, гости отеля были слишком состоятельны, чтобы опускаться до индийской таратайки. У отеля был и другой вход, со двора. Ворота там были не такие парадные, но тоже с охраной, и по утрам я видел, как к ним рекой стекаются люди, – темнолицые индианки в пестрых сари и мужички в белых хлопковых одеяниях спешат туда на работу. Я не ждал никаких чудес. Ясно было, что отель дорогой, – помимо возведенной вокруг него таинственности, он, единственный из всех, владел собственным пляжем, и можно было только догадываться, какую сумму запросят за это богатство. К несчастью, я знал этот пляж. Он был в самом начале Раджабага, в мутных волнах которого я имел удовольствие однажды окунуться, и не обладал никакими преимуществами, за исключением того, что ограждал тебя от других – туристов, местных продавцов и попрошаек, и собак.

Но когда передо мной распахнули ворота и я шагнул внутрь, я почувствовал себя так, будто я на мгновение умер и за какие-то заслуги отправился прямиком в рай. Мне открылась картина ошеломительной красоты. Увиденное поразило меня настолько, что и спустя время я не могу сказать наверняка, что впечатлило меня сильнее всего. В глаза ударил простор и гладкая зелень полей, лежащих по обе стороны от меня до куда хватало взгляда. Под ногами сиял чистотой асфальт, впереди стройнели аллеи, и, еще стоя у ворот, я ощутил непреодолимое желание поскорее оказаться в их густой тени и подышать в их освежающей прохладе. Я поднял голову. Кроны могучих вековых деревьев отливали синевой на фоне тихого голубого неба, распростерты под ними поля искрились сочностью молодой, только что скошенной травы, меж ними бежали дорожки из розовой плитки. Живость красок кружила голову; после пыльной бесцветной улицы, по которой я ходил все эти дни, я не верил собственным глазам. Даже небо здесь было другим, и воздух пах по-другому. Впустивший меня охранник, не без поклона, передал меня в руки спешившего навстречу мне индийца, одетого в чалму и богатый узорчатый кафтан. Он повел меня в глубину аллеи. Мы шли по сверкающим белизной дорожкам, по выпуклому деревянному мостку, под которым в прозрачной заводи вились золотисто-красные рыбки, мимо клумб, полыхающих безудержно яркими цветами ирисов и орхидей, и мне все хотелось ущипнуть себя – не во сне ли я все это вижу, неужели это Индия? Встречавшиеся на пути служащие останавливались, чтобы отвесить мне приветственный поклон, а мой Каф-

тан, по всему видно, человек не последнего ранга, вел меня с таким гордым и самозабвенным видом, что я чувствовал себя так, будто иду на прием к махараджам. По дороге мимо нас проплыли красиво одетые люди в кабриолете, на поле для гольфа шла игра – я увидел джентльменов в белых брюках и рубашках-поло, и таскавших за ними экипировку индийцев; все это напомнило мне романы Агаты Кристи и Вудхауса и времена, когда английская знать приезжала на отдых в свои индийские поместья. Ближе к зданиям начинается сад. Он окутывает отель до самого океана, объяснил Кафтан. Мы прошли вдоль скамей и глиняных скульптур, смотревших на нас с высоты своих пьедесталов, и приблизились к отелю. Пройдя сквозь колоннаду арок, мы очутились в лобби таких размеров, что люстры под потолком показались мне звездами в поднебесье, а люди в другой части зала точками, не крупнее муравья. Тут я ошалел окончательно и, потрясенный, оглушенный и пришибленный, предстал перед человеком по имени Чапрам. По-русски этот улыбочивый индеец говорил превосходно, а свое дело знал еще лучше. Не успел я и глазом моргнуть, как меня взяли под белы ручки и увели внутрь – показали номер, в котором я буду жить, рестораны, в которых я буду есть, сады, по которым буду гулять, а для пущего эффекта усадили в кар и покатали по дорожкам вдоль волнистых гольфовых полей, довели до самого пляжа, который, если глядеть на него с этой стороны, смотрелся на удивление живописно, и вернули меня в лобби готовенького и на все согласного. Ни ночи больше не хотел я оставаться у Кипила. При помощи Чапрама мне удалось договориться о внушительной скидке в обмен на обещание, что вскоре ко мне присоединится жена и мы проведем здесь еще немало дней, и уже через час отельный портер явился в «Палас» за моим багажом. Вечер я встречал в гостиной своего нового номера, обставленного со всем великолепием, положенным Востоку. Ужинал в ресторане. Ел среди хорошо одетой публики и наконец попробовал что-то более изысканное, чем пляжная еда. Чапрам, добрая душа, не позволил дать ему ни копейки, зато настойчиво приглашал на всякие отельные увеселения, и я догадался, что он получает процент от них. Поскольку ни гольф, ни лодочные поездки к дельфинам меня не увлекали, я выбрал массаж в отельном салоне да сеанс у местной знаменитости, мадам Альбабур, приехавшей в «Лали» всего на несколько недель, – очень уж Чапрам ее хвалил. Тело млело после крепкого массажа. Запах сладковатого масла, которым меня то и дело орошали в салоне, впитался в одежду, и, кажется, за ужином я благоухал не хуже садовых орхидей. В голове еще витали слова предсказательницы. Откуда эта женщина узнала, что я пишу? Все остальное наверняка лезть, но, быть может, тоже не лишняя смысла; так, во всяком случае, хотелось мне думать. Конечно, эти предсказания, как и массаж, и отличнейший шоколадный десерт – все это радости за мои же деньги, но, черт возьми, до чего они приятны после аскетичного житья у Кипила! В желудке у меня урчало от удовольствия, и, оглядываясь вокруг себя, я разве что мурзиком не мурлыкал. Вот где я должен писать, говорил себе я. Здесь мои герои. И здесь ко мне вернется вдохновенье – я знал это наверняка. Я чувствовал, что моя подруга муза вот-вот будет снова со мной.

Перед сном я вышел на воздух. Полная луна разливалась по небу, а в саду стояла уютная темная ночь. То там, то сям мелькали бесшумные тени – это рабочие наводили порядок на дорожках, равняли кустарники, подбирали листву. Больше никого не было видно, только раз прошлась, держась за руки, парочка влюбленных. В темноте задорными огнями горел отель – комнаты, в которых кто-то был, и рестораны – в них еще сидели. Многие расположились на террасах, пили вино и смотрели телевизор. Я тоже уже мог быть в номере – меня выманила на улицу чарующая ночь. Невозможно было не пройтись по саду, не посмотреть на небо, мне так этого не хватало у Кипила. Было безветренно, но остывающий воздух двигался, ходуном ходил. То обдавал волной парного молока, то пробирал пронзительной, едва не зябкой влагой. Разумеется, здесь не было комаров – еще днем я заметил расставленные повсюду ультразвуковые лампы, замаскированные под уличные фонари. На удачу, нигде не включали музыку, и мягкая ночная тишина лишь иногда прерывалась неторопливыми голосами и чьим-то смехом.

Я все еще спрашивал себя: неужели это Индия? И все еще не мог поверить в свою удачу. Теперь мне не нужно никуда уезжать. Я думал о том, как обрадуется жена моей находке, и в мыслях уже водил ее по этому саду. Представлял, как она будет подолгу гулять по розовым дорожкам, сидеть на лужайке с неизменной книгой в руках. Как бросится фотографировать диковинные цветы и птиц, что плещутся в фонтане. Как понравится ей наша спальня и вид из окна. И мраморная ванна, и халаты с золотой оторочкой, и вся эта милая старомодная роскошь. Как она захочет пойти на массаж, а может быть, на уроки гольфа или уроки кулинарии у местного шефа. Как вечерами мы будем смотреть на закат сквозь шумные пальмы. Как поедем на Палолем. Как окунемся в океан и в настоящую туристическую Индию. Как вернемся в отель и с новой силой ощутим свое счастье. Как ты нашел это чудо, с восторгом в глазах будет спрашивать меня она? Я буду только плечами пожимать – не раскрывать же все свои секреты. Сам я буду писать. Номера здесь огромные, прохладные, и места в отеле хоть отбавляй. Хочешь, садись на террасе. Хочешь, в беседке на лугу – две округлые деревянные беседки сегодня попались мне на глаза, и сейчас, вспомнив об этом, я направился к ним, хотел проверить, получится ли в них сесть и писать. Это, конечно, не пушкинские ротонды, но, высокие и аккуратно сбитые, они все же придавали этой стороне сада особый шарм. Приблизившись, я вдруг увидел в одной из них чей-то силуэт. В темноте нельзя было ничего разглядеть, но кажется, там кто-то сидел. Подойдя ближе, я увидел, что это была женщина. Она сидела неподвижно. Оставаясь в тени деревьев, я смотрел на нее, гадая, что она могла делать тут в такой час. Читать было невозможно, да и в руках у нее не было ни книги, ни телефона. Может, кого-то ждет? Но она не оглядывалась по сторонам, и не похоже, чтобы кого-нибудь искала. Сидела она прямо, смотрела куда-то вдаль. Наверно, устала от шумной компании, решил я, или сбежала от надоедливового спутника. И уже собрался уйти, как вдруг силуэт в беседке задвигался, поднялся во весь рост, замахал руками. Кому она машет – кругом ни души? Потом она снова села, только теперь свободно, вытянув руки по обеим сторонам перил. Откинула голову, глядя в небо. Я посмотрел туда же, над нами висела ровная белая луна. До меня донеслось длинное отчетливое «Ахх!...», полное блаженства. Надо же, подумал я. Не один я наслаждаюсь этой чудесной ночью.

Наутро я вернулся к беседкам и устроился в одной из них. Чапрам, мой верный друг, прислал боя, который притащил для моего компьютера столик, и теперь я работал так, как мечтает работать писатель в своих самых сладких снах, – сидел в тени изумительных деревьев, глядел на простирившиеся передо мной луга, вдыхал ароматы цветущих растений да попивал чаек. Кроме хохлатых попугайчиков, скакавших с ветки на ветку, ничто не нарушало мой покой; слов нет, до чего мне было хорошо. Работа у меня тронулась. Еще не вырисовывалась вся картина, но слова уже складывались в текст, и, я чувствовал, отдельные куплеты скоро вырастут в песню. Я испытывал знакомое всем писателям состояние вдохновенного подъема, когда идеи набрались, материал созрел, мысли набухли как весенние почки, и ты вот-вот разродишься. Правда, пока сам не знаешь, чем. Но все равно уверен, что это будет нечто. А ведь это, пожалуй, станет лучшим моим произведением – с этого будоражащего чувства начинались все мои книги. Так было и теперь.

– Простите, сэра, – прервал бой мои мысли. – Мадам из такого-то номера просила узнать, может ли она воспользоваться вашим столом после того, как вы закончите?

Ничего не понял. Какая мадам? Оказалось, некая мадам тоже облюбовала эту беседку и хочет посидеть за моим столом. Я сказал, что закончу через час, и тогда мой стол в ее распоряжении до самого вечера – я как раз собирался идти на пляж.

Незадолго до ужина я прогуливался по саду, прокручивая в голове сегодняшний текст. Дошел и до беседки, которую в душе уже присвоил себе и считал своим рабочим местом. Мне стало любопытно, кому это понадобится, как и мне, непременно сидеть за столом. Еще изда- лека силуэт показался мне знакомым. Не уверенный, что это так, – мало ли народу гостит в отеле – я, тем не менее, чувствовал, что не ошибся. Это была ночная незнакомка. С той же

прямой спиной она сидела за моим столом и что-то писала ручкой, в тетради. На ней была длинная одежда, оставлявшая открытыми загорелые руки и плечи. Волосы забраны наверх и обтянуты лентой, вид сосредоточенный; казалось, ничто на целом свете не могло ее отвлечь. В беседке она смотрелась изящно, как юная английская леди, сочиняющая стихи, но я не мог бы утверждать наверняка, что она англичанка. Еще днем я спрашивал себя, кто эта женщина, обратившаяся ко мне через посыльного? Определенно, это не моя землячка. Наш человек не стал бы утруждать себя подобными вещами – завидев удобное местечко, он ринулся бы напролом и не успокоился бы, пока не выдворил меня из беседки и не сел бы туда сам. Я думал, что эта мадам должна быть хорошо воспитана или же иметь восточное представление о нравах, не позволяющее ей самой заговорить с посторонним мужчиной. Все мои догадки так и оставались ими. Глядя на нее, я не знал, к какой версии склониться. Тут она обернулась на мой чересчур настойчивый взгляд, и задумчивое лицо на миг озарилось улыбкой. Я только и успел, что махнуть рукой в ответ, как она уже отвернулась и снова погрузилась в тетрадь.

С этого дня завязалась наша безмолвная дружба. Мы двое оккупировали беседку; на другую падало солнце, так что не оставалось ничего, кроме как делить одну на двоих. По очереди мы устраивались в ней, я с компьютером и ворохом бумаг, она с тетрадью, а наш неизменный бой с утра втаскивал, а вечером уносил стол после того, как один из нас заканчивал здесь свой рабочий день. Мы по-прежнему не были знакомы. Дружили мы молча: если я видел, что она сидит за столом, то отправлялся писать в холл, перед распахнутым окном в самом конце зала; когда же она заставляла меня в беседке, то делала то же – исчезала, не беспокоя. Изредка мы встречались на завтраке или по дороге на пляж. «Лали» не из тех отелей, где гости дышат друг в другу в затылок, тут есть, где уединиться, и при желании можно весь день провести вдалеке от всех, но если уж мы сталкивались нос к носу, она кивала мне со сдержанной улыбкой и быстро отводила взгляд, показывая, что на этом все и заговаривать с ней не нужно; я и не собирался. Несмотря на то, что за эти несколько дней я мог хорошенько разглядеть ее, это мало что проясняло. Синие глаза и белая, хотя и загорелая кожа, говорили о том, что она приехала откуда-то из Европы, но выглядела она так, будто пробыла под солнцем Индии гораздо дольше, чем две недели отпуска. В ней было что-то не туристическое, выделявшее ее среди других постояльцев. И еще, что-то очень восточное. Она носила одежду светлых тонов, которая, с одной стороны, укрывала ее до самых пят, а с другой, подчеркивала ее стройную фигуру; это были то ли платья, то ли длинные рубашки, надетые поверх брюк из той же материи и придававшие ей вид исключительно восточный, чуть ли не мусульманский; волосы подвязаны платком, но не спрятаны, так что виднелись выгоревшие на солнце, бело-рыжие кудри. Завидев вдали белый силуэт на каком-нибудь пустынном Раджаге, невольно решишь, что перед тобой восточная женщина, и только взглянув повнимательнее, понимаешь, что это не так. Нельзя было не признать, что одежда ее подходила для такой жары как ни одна другая. Приехавшие из зимних стран туристы и туристки безбожно оголялись, и порой в глаз било обилие ничем не прикрытых, сторевших докрасна животов и декольте, благо в рестораны все одевались прилично. На этом фоне моя незнакомка смотрелась на редкость уместно; и убранство «Лали», и расписные одеяния наших официантов были ей под стать. В том, как она держала себя, была какая-то утонченность, можно даже сказать, аристократизм. Она умела обращаться с прислугой. Официанты ее любили, и столик для нее всегда был готов. Бич-бой бежал впереди нее, чтобы поскорее предоставить лежак и полотенца, и горничные, я не сомневался, наперегонки неслись убирать ее номер, зная, что их ждут хорошие чаевые. В противовес публике, сидевшей за завтраком часами, потягивая коктейли и разговаривая ни о чем, как и положено на отдыхе, она с самого утра была аккуратна и собрана. Еды брала немного, как человек, который знает, чего хочет, и ни за что не позволит соблазнить себя излишествами. Завтракала не торопясь, но долго не засиживалась. И пока остальные еще только начинали пировать, она уже удалялась по делам – одной ей известным. Нечасто встретишь человека, способного занять себя без помощи других:

казалось, она следовала какому-то расписанию, но что она делала, кроме того, что писала что-то от руки, я не знал. Поначалу подумав, не моя ли это коллега по цеху, я вскоре решил, что нет: хоть в беседку она ходила исправно, на писательницу похожа не была. Пару раз я видел ее возвращающейся с прогулки по побережью, вид у нее был довольный. Очевидно, солнце ее не пугало, и находиться на жаре было для нее обычным делом. Она всегда была одна, и одиночество нисколько ее не тяготило. Я ни разу не видел, чтобы она с кем-нибудь общалась, зато стал свидетелем того, как однажды за ужином подвыпивший англичанин попытался ее разговорить, и она одним махом пресекла всякие намеки на ухаживания. Ей это было ни к чему. Она не скучала. Не глазела по сторонам в поисках знакомств. Веселые компании и шумные семьи с маленькими детьми оставляли ее равнодушной. Казалось, ей никто не интересен и никто не нужен, а наслаждаться жизнью она умеет и сама.

И однако ж я замечал, что ее занимали какие-то думы. Она как будто размышляла о чем-то или чего-то ждала. На лице ее иногда читалось волнение. Я все больше убеждался, что она здесь не в отпуске, в отличие от большинства. Мое писательское чутье, в те дни обостренное донельзя, стреляло сюжетами как пулями из ружья: возможно, она жена восточного посла, а еще вероятнее, не жена, а тайная любовница, приехавшая на свидание с ним в лучший отель побережья. Это бы многое объяснило – и ее восточность, и характер, сдержанный, как закрытая книга, и привычку бывать на жаре, и то, почему ее называют мадам, а не мадмуазель. Как-то я полюбопытствовал у боя, давно ли мадам гостит в отеле.

– Приехала за два дня до вас, сэр.

– И откуда она?

– Мадам приехала из Кералы, сэр.

Все это не позволяло сделать хоть сколько-нибудь определенных выводов. Если бы меня спросили, что я думаю о ней по прошествии этих нескольких дней, я сказал бы, что могу утверждать лишь одно: в ее жизни явно что-то происходило. Недавно я снова встретил ее на пляже. Вечерело, все давно разошлись по номерам. Она сидела, естественно, одна, на безлюдном Раджбаге, которому сумерки всегда придают неуютный и тревожный вид. Должно быть, она чувствует себя одной в целом мире, подумал я, но она вдруг оторвала взгляд от океана и посмотрела на меня ясными и улыбочивыми глазами. Не угадал, сказал я себе: она думала о чем-то приятном и улыбалась не мне, а собственным мыслям.

В свободное время я занимался тем, что наблюдал за людьми. Некоторые считают, что настоящий писатель должен сидеть взаперти и строчить тексты, не отходя от стола и не отвлекаясь на такие мелочи, как жизнь, и еще лучше, если при этом он стеснен в средствах, голоден и несчастен, – будто бы это дает подходящую почву для письма. У меня другое мнение на этот счет. По-моему, варясь в пучине собственных переживаний, ничего хорошего не напишешь. По мне, так чем больше ты видел, тем лучше. По-моему, хороший писатель должен в равной мере знать жизнь и любить ее. «Лали» подходил для этого идеально. Для писателя здесь было раздолье, и дни напролет я утолял голод, разглядывая новые лица – они были здесь в изобилии. Самыми выдающимися среди них были индийские семейства, состоятельные и многочисленные. Где бы не появилась индийская семья, в ресторане, на пляже или на улице подле отеля, всякий раз это выглядело так, словно стая птиц налетела и рассыпалась по полю, – с десятков фигур одновременно распределялось вокруг тебя и занимало все пространство. У них были характерные, выразительные лица и весьма живописный вид. Мужчины с лицами цвета темного меда надевали к ужину европейские костюмы, их дамы приходили в сари – и в каких! – торжественных, из дорогих парчовых тканей; все с прическами, с бриллиантами и со звонкими рядами браслетов на руках и ногах. Молодежь ничем не уступала. Кое-кто из молодых людей был одет так, словно только что вышел из лондонской биржи, а сочные сари у девушек сменялись изысканными платьями известных европейских домов мод. По утрам и вечерам, и в бассейн, и в ресторан они приходили неизменно нарядными, шумными и говор-

ливыми. Броская, праздничная красота была в них ключом. Глядя на них в обрамлении безупречно-ровных полей и цветущих садов, я иногда думал, что передо мной не реальные люди, а актеры голливудского кино: вот высыпала на лужайку массовка, а вот из-за статуи появилась парочка влюбленных, сейчас он сорвет для нее удачно распустившуюся на пути розу, а она взмахнет на него черными ресницами и затянет тонкоголосую индийскую песнь. В один из вечеров играли свадьбу. Часов с пяти в шатрах стали собираться гости, зазвучала музыка, то восточная, то знакомая всем англоязычная классика жанра; дорога к пляжу утопала в цветах, и даже нам, постояльцам, перепало – каждому встречному надевали на шею ожерелье из живых цветов в качестве приветов от счастливых брачующихся. Думаю, не один я в отеле приготовился к бессонной ночи. Однако к одиннадцати часам все разом стихло, огни в шатрах погасли, и вскоре на отель опустился обычный ночной покой. Не слышно было ни пьяных, ни буйных, ни жаждущих продолжения банкета. К утру в нашем пляжном ресторане все было как всегда. И следа не осталось от вчерашнего веселья.

– Не свадьба, а симпозиум докторов, да? – шутил наутро Чапрам. – Так сказали мне наши русские гости.

Русских гостей в отеле было не слишком много. Две-три ничем не примечательные семейные пары со скучающими лицами курсировали от ресторана к бассейну и обратно; мамы, по обыкновению, зычно воспитывали своих чад, папы коротали дни, уткнувшись в телефоны. Одна не очень юная дева привезла на отдых свою мать, и они под ручку бродили по отелю; старушка помирала от жары, дочь – от ее капризов, и они постоянно ссорились. Были еще подруги, похожие как родные сестры. Обе видные и, что называется, статусные. Их излюбленным занятием было поучать персонал. Как ни застанешь их в ресторане, они на два голоса объясняют бедному повару, что сегодня он не додержал соус, а вчера переварил спагетти, и вот уже второй день подряд, по его милости, они лишены пасты карбонара, а как ни зайдешь в лобби – они уже осаждают Чапрама с новыми претензиями. Все они, по-моему, были в этих краях впервые и не отдавали себе отчета в том, что уже находятся в лучшем месте и что о большем, чем «Лали», и мечтать невозможно. Англичане смотрелись намного гармоничней и чувствовали себя как дома. Почти все приехали играть в гольф и тем и занимались, а путь к полям прокладывали через бары, которые, благодаря им, никогда не пустовали. Я искал среди них своих героев. И русские, и англичане проигрывали индийцам в яркости, в своеобразии манер. Меня тянуло написать индийскую историю, за этим я и ехал к Кипилу. Но чтобы писать, надо знать намного больше. Пока я достоверно знаю об индийцах лишь то, как они выглядят со стороны. Этого мало. Хотел бы я знать, что занимает их умы, какие цели они себе ставят, как ведут себя в быту. Что думают о своих прославленных мистиках и как относятся к нам, иностранцам. И так ли они радушны, порядочны и благоразумны за дверями своих домов? Мой пыл не угас, я собирался поместить сюжет в декорации индийской жизни, и, хотя главный герой все еще не был определен, я не переставал искать: душа просила чего-то здешнего, самобытного, как любит говорить мой издатель, колоритного.

Как-то в разгар дня мне встретилась мадам Альбабур. Она, вся в черном, сцепив руки за спиной, шагала вдоль бассейна с лицом, полным мрачной задумчивости. Ее орлиный взгляд казался особенно суровым на фоне беспечных загорелых лиц, плескавшихся в бассейне. Я как раз возвращался из беседки и шел по другой стороне. Поймав на себе ее глаза, я поприветствовал ее и пошел дальше, но меня припечатало к земле пронзительный окрик, громом прокатившийся через весь бассейн:

– Are you writing your book?

Я чуть в воду не рухнул от неожиданности. Такому голосу позавидовала бы сама Фаина Петровна, моя незабвенная школьная учительница. Кое-как заверив мадам Альбабур, что с моей новой книгой все в полном порядке, я поспешил к себе, но до самой ночи меня терзали сомнения, на верном ли я пути.

На следующий день я поднялся еще до рассвета, в тишине выбрался из отеля и отправился на пляж. Влажные поля окутывало встававшее солнце, его еще не было видно, но оно уже грело воздух и гнало прочь остатки ночной прохлады. Над землей поднимался туман, блестя росой трава. Тишина стояла такая, что, едва я отошел от отеля, послышался океан. Чем ближе я подходил, тем звонче и сильнее ударяли о берег волны, и тем отчетливее ощущалось наступающее в перерывах между ними затишье. Когда я ступил на песок, я почувствовал себя гостем, явившимся в дом до прихода других. Меня встречала первозданная чистота. На гладком песке не было ни следа, ни пылинки, как будто до меня здесь никто никогда не ходил. Берег был тот же, что и вчера, и те же пальмы стояли на своих местах, но ощущение было иное – словно бы чьи-то заботливые руки произвели здесь уборку, и в воздухе остался аромат чистоты и наведенного порядка. Я пошел по песку осторожно, как идешь по вымытым полам и боишься наследить. И остановился, залюбовавшись: теплый океан парил в розовой дымке, на горизонте показались нежные отблески лучей. Передо мной величественно поднималось рассветное утро. Воздух у лица был ласковый, прозрачный. Такая же прозрачная ясность наступила и в голове, казалось, глаза видят четче, и сердце бьется полно, ровно, без торопливого возбуждения, без страха чего-то не успеть. Я смотрел вперед и думал о том, что в эту минуту я не желал бы ничего, кроме как стоять здесь и видеть все это. Меня переполняли чувства. Я знал – вот ради этих мгновений и стоит жить.

Вдруг что-то поменялось. Что-то отвлекло меня от моих мыслей, и я, на долю секунды забывший, кто я и где я, увидел, что стою примерно на середине Раджбага, а с его правого конца из-за бархан по направлению ко мне движется фигура. Я глазам своим не верил, неужели кто-то был здесь до меня? Выходит, кто-то меня опередил! Кто-то уже прошел весь пляж. И теперь возвращается обратно. Кажется, я узнаю эти белые одежды. Прямо на меня, высоко переступая через валуны, шла моя подруга-незнакомка. Вне себя от удивления, я глядел на нее во все глаза. Она повернула наверх, к пальмовым аллеям, но прежде помахала мне рукой. Лицо ее сияло как утреннее солнце. Ох уж эта улыбка, которая, я знал, предназначалась вовсе не мне. Оказывается, я был не первым гостем в этом доме, – эта мысль не то чтобы огорчила меня, но засела в голове. Во сколько же она поднялась? А может, вовсе не ложилась? Но если плохо спится, то отчего такое счастье на лице? Я походил еще немного по пляжу и засобирился назад. По берегу бежали за мной, шурша по песку, длинноногие птички.

Сразу после завтрака я пошел в беседку. Хоть тут меня не опередили, подумал я, – в этот час место обычно было моим, и сегодня ничего не изменилось. Стол для меня уже стоял, и бой топтался неподалеку, ожидая своих чаевых.

– Мадам просила вам передать, – протянул он мне нечто, обернутое в бумагу.

– Что это?

– Не знаю, сэр.

Я раскрыл сверток. Там была довольно объемистая, исписанная от руки тетрадь, я сразу подумал – дневник.

– Она уехала?

– Нет, сэр.

Я отпустил боя и открыл тетрадь. Почерк был твердый, разборчивый. А что самое поразительное, писали по-русски. Между первыми страницами был заложен конверт, и я извлек из него записку:

«Сегодня у меня начинается новая жизнь. Я не хочу тащить с собой прошлое, хотя оно мне и дорого, настолько, что рука не поднимается сжечь эту тетрадь. Одна незаурядная женщина здесь в Лали сказала мне, что Вы лучше распорядитесь тем, что в ней есть, и только поэтому я осмеливаюсь предложить ее Вам, и вместе с ней мое прошлое, всю мою прежнюю жизнь. Мне приятно думать, что кому-то она, возможно, пригодилась, а если нет, Вы сожжете ее безо всяких сожалений. Я искренне признательна Вам, Л.»

Я прочел наугад некоторые страницы. Внутри у меня лихорадочно застучало – не то ли это, что я так тщательно искал? Я пролистал вперед. Заглянул в конец. И, отложив бумаги, сел читать. С самого начала.

Ну и пляж! И это они называют «идеальным местом, в котором вы насладитесь безмятежностью и покоем»? А почему не сказали, что к океану ведет отвесная скала высотой с пятиэтажный дом? И что спускаться по ней – то еще удовольствие, особенно с больной ногой? Ближайший к моему дому спуск показался мне таким крутым, что я засомневалась, доберусь ли до низа. Перил не было, и, попробовав сойти вниз, я замахала руками как мельница, хватаясь за воздух. Вместо лестницы – выдолбленные криво-косо ступени, а по краям от них груды мусора, который ссыпали сверху владельцы кафе и магазинчиков. Смятые алюминиевые банки, пакеты, банановые шкурки, не говоря уже об окурках и семечковой шелухе, – склон пестрел под ворохом отбросов, особенно его верхушка, которая была покрыта ими как снегом. Мои шлепанцы скользили в пыли, и я боялась, что подверну и вторую ногу на этих корягах. Как они здесь ходят? Вдалеке на пляже видны были люди, и мысль о том, что они, как и я, спускались по этой дорожке, не дала мне повернуть назад. Потом я нашла еще два спуска. Второй, центральный, был единственный более или менее благоустроенный, здесь даже было несколько бетонных плит, на которые можно было опереться. Но запах тут стоял чудовищный. Мусор, который никто никогда не вывозил, гнил на солнце и смердел, вдобавок к этому индийцы использовали склон, чтобы справить нужду, причем делали это, не особенно таясь, видно, это у них в порядке вещей; меня чуть не стошнило, когда я однажды решила подняться здесь наверх. Третий спуск, в дальнем конце пляжа, был самый крутой. Это была тропинка, протоптанная местными, глубокая и узкая, не шире одной моей ступни. Она уходила напрямик вниз так резко, что я не стала даже пробовать спускаться по ней.

Пляж стоял пустым. Ни зонтов, ни душа, ни кабинок для переодевания, ни кафе, ни чего-то еще, указывающего на отдых, здесь не было, как будто это место вообще не предназначалось для людей. Во всю ширину берега, от обрыва и до океана простирался песок, сначала рыхлый и холмистый, а ближе к воде плоский и твердый как асфальт, и кроме песка – ничего. Весь день здесь нещадно палило солнце, и укрыться от него было негде. На пляже не торчало ни деревца, ни кустика; кое-какая растительность тянулась по склону, но это были пригнувшиеся к земле, выжженные солнцем кустарники; деревьев, способных дать хоть какую-то тень, среди них не было, в общем, «зеленым оазисом», о котором говорилось в буклете, здесь и не пахло. Утром на рассвете, когда солнце только поднималось из-за горы, у самого подножия обрыва стояла тень, но уже с половины восьмого и эта узкая полоска начинала таять, и к восьми утра на всем пляже не оставалось ни одного уголка, куда бы ни заглядывали обжигающие лучи горячего индийского солнца. Песок нагревался так, что босыми ногами было не ступить. Бутылку воды, которую я приносила с собой, приходилось выпивать поскорее, иначе вода в ней становилась вареной. Одежда, оставленная на солнце, моментально выгорала и покрывалась пятнами. Испортив так несколько футболок, я стала носить с собой купленное здесь же дешевое полотенце и накрывала им горку своих вещей, когда шла в океан.

Уже поднявшись наверх и укрывшись в тени какого-нибудь кафе, я чувствовала, как под футболкой по мне все еще струйками катится пот и кожа на лице и руках покалывает и пахнет горелым. Сказать по правде, смотреть на пляж с горы было намного поэтичнее. Синезеленый океан простирался до куда глаз хватало, гладкий берег плескался в бурлящих волнах, как в шампанском, и крутая отвесная скала, если не приглядываться к ее замусоренным склонам, добавляла картине остроты и жутковатого природного колорита. Нельзя было не признать величие и своеобразную красоту этой местности, не тронутой цивилизацией, главное – смот-

реть на все это словно бы со стороны, как на открытку, а не как на место, где ты живешь. Думаю, если подняться еще выше и смотреть с высоты птичьего полета, то вид открывается еще более впечатляющий. Вообще, это было бы лучше всего – прилететь сюда на вертолете, полюбоваться живописным видом океана, крутого берега и длинных волн, пообещать себе вернуться сюда и... не сделать этого. И запомнить это место таким – неизвестным, волнующим, опасным и романтичным. И так и не узнать ничего о том, как здесь живет.

Поначалу спасатели – эти неказистые на первый взгляд мужички, вечно торчащие на пляже в одинаковых синих майках и черных шортах, – не произвели на меня никакого впечатления. Их было шесть или семь, все на одно лицо, и я никогда не могла понять, были ли это все время одни и те же люди или они менялись и работали по сменам. Вид у них был отнюдь не спортивный, среди индийцев вообще не встретишь спортивного мускулистого тела, большинство из них тощие и как будто все время голодные, первое время мне даже было неловко при них обедать, казалось, что официант, принесший мне тарелку с едой, роняет слезы, глядя на то, как я подношу ко рту полную ложку риса. Изредка попадаются одутловатые мужчины с выпирающими вперед животами и отдышкой. Спасатели были, по крайней мере, крепкие, жилистые и, как я выяснила через несколько дней, обладали недюжинной силой. Первые дни они только и делали, что ходили вдоль пляжа всей толпой и свистели в свои свистки, заставляя купающихся перемещаться по их указанию. Наверно, они делали это из лучших побуждений, заботясь о том, чтобы никого не унесло течением или не прибило к скалам, но бесцеремонность, с какой они свистели тебе прямо в ухо, если ты вдруг оказался поблизости, сердито махали руками и орала что было мочи, если кто-то им не повиновался, напоминала тюремщиков, охранявших заключенных. Их целью было сгрести всех нас в одну кучу и не давать разбредаться. Как только им удавалось добиться этого, они вставали с чувством выполненного долга, складывали руки на груди и разглядывали нас, скачущих на волнах. Стоило кому-то оказаться в стороне, они снова пускали в ход свистки, жестикулировали и кричали нам, призывая помочь вернуть предателя на место.

Что и говорить, волны здесь и впрямь мощные, течение сильное, я и сама в этом убедилась: стоишь недалеко от берега, воды по колени, а с места сдвинуться не можешь. Волна нагоняет сзади и ударяет так, что колени подкашиваются, и пока ты пытаешься устоять, она уже закручивает тебя в петлю и тянет за собой. Отпустишь ногами дно – и все, прощай. Так и стоишь, оперевшись пятками в песок. Тянешь вперед руки и беспомощно хлопаешь глазами, пока кто-нибудь не протянет руку и не выдернет тебя из водоворота. Слава богу, здесь это принято, и все помогают друг другу, не дожидаясь спасателей. Я тоже не раз протягивала руку помощи. Как-то две немолодые англичанки застряли на самом выходе, и я помогла выйти на берег одной, а потом мы вместе вытащили вторую. Она была насмерть перепугана и не реагировала на наши шутки. Лицо у нее было такое, как будто перед ней только что пронеслась вся ее жизнь, и по-моему, она крепко пожалела о том, что приехала сюда. В другой раз я помогла молоденькой японке. Как-то я пришла на пляж пораньше, чтобы искупаться до начала жары. Народу в этот час было немного, а спасатели еще не заступили на пост. Мы оказались в воде недалеко друг от друга, потом я вышла, а она осталась. Пока я переодевалась, она все еще была в воде, и я думала, она продолжает плавать. Я уже собралась уходить, но что-то заставило меня обернуться и посмотреть на нее. Волны отнесли ее в сторону, и я не видела ее лица, только почувствовала, что с ней что-то не так. Не успев ни о чем подумать, я скинула одежду и побежала к ней. Только теперь я поняла, что она, бедняжка, давно уже пытается вылезти на берег и не может. Почему она сразу не позвала меня? Может, не знала, что здесь все так делают? Может, она приехала только вчера, и это ее первое знакомство с океаном? На берегу она упала

на песок, с трудом переводя дыхание, зубы у нее стучали от страха. Я предложила ей воду, она не стала пить и все благодарила меня, прикладывая руку к сердцу. Когда я обернулась в следующий раз посмотреть, все ли с ней в порядке, ее и след простыл. Я глянула на склон и увидела ее, карабкающуюся по лестнице с такой поспешностью, что только пятки сверкали. Наверно, ей не терпится убежать подальше от этого места, подумала я, но скоро поняла, что японка бежала не только от океана.

В этот же день мы случайно столкнулись с ней в кафе во время обеда. В ответ на мое радушное приветствие она неожиданно смутилась, словно я застигла ее врасплох, а когда я предложила пообедать вместе, отказалась так решительно, будто этого-то она и боялась больше всего на свете. Не дав мне опомниться, она подхватила сумку и пулей выбежала вон, кое-как на ходу попрощавшись. И дураку было ясно, что она не рада меня видеть, уж не знаю почему, и я решила, что если встречу ее снова, не стану досаждать ей и сделаю вид, что не узнала ее. Однако не далее чем следующим утром японка сама упала мне в объятия. Как всегда по дороге домой, я зашла в магазинчик на углу, где обычно покупала себе пачку крекеров и несколько бутылок воды на день. Только я закрыла за собой дверь – здесь работал кондиционер, поэтому хозяин следил за тем, чтобы покупатели не забывали прикрывать дверь как можно плотнее, – как увидела японку. Она стояла, склонившись над холодильником с мороженым, и, по-видимому, собиралась купить себе одно, но мое появление нарушило ее планы. При виде меня лицо ее, и без того бледное, помертвело, руки упали; она глянула по сторонам, окинув глазами малюсенькое помещение, в котором нас было четверо – мы с ней да двое продавцов-индийцев, и, поняв, что бежать некуда, попятилась назад и уперлась спиной в полку.

– Эй, мисс, закройте холодильник! – крикнул ей продавец, увидев, как из открытой дверцы валит пар. Японка его не слышала. Она смотрела на меня так, словно перед ней стояла не я, а смерть с косой. От этого взгляда я тоже оторопела и застыла в дверях, не зная, куда деваться, – не слишком приятно осознавать, что один твой вид способен до такой степени напугать человека. За что она меня так невзлюбила? Может, я чем-то помешала ей, вытащив ее на берег? Не собиралась же она утопиться? Или она считает, что я приношу ей несчастья? Я слышала, что японцы народ мнительный и суеверный. Может, и у нее есть какое-то предубеждение на этот счет? Или она думает, что теперь обязана мне жизнью? Чувствует себя в долгу передо мной? И боится, что я потребую чего-то взамен?

– Да что с вами такое? – гаркнул индеец. – Закройте холодильник! Мисс! Вы уже взяли мороженое?

Японка вздрогнула, слабой рукой потянулась к холодильнику, но вместо того чтобы прикрыть его, пошатнулась, медленно поползла вниз и села на пол. Индийцы смотрели на нее непонимающе. А она вдруг закрыла глаза и рухнула на бок. Я смотрела, как к ней подбежали индийцы, как приподняли ее, сунув под голову ее же сумку, как положили на лоб упаковку фруктового мороженого и стали брызгать в лицо водой... Потом вышла из магазина и отправилась домой. Больше я никогда ее не видела.

Не прошло и нескольких дней, как мне довелось увидеть наших спасателей в деле. Было около пяти, когда я спустилась на пляж. Солнце начинало клониться к горизонту, и все, кто, как и я, надеялся поплавать, но из-за жары не мог сделать этого днем, приходили сейчас. Это самое горячее время для купания. И самое опасное – из-за течения, усиливающегося к вечеру. У воды я сразу заметила людей, столпившихся вокруг кого-то. Рядом стояли спасатели, на этот раз в одних плавках, с мокрыми головами и возбужденными лицами, на песке лежали веревки и спасательные круги. Внутри у меня екнуло, неужели кто-то утонул? Подойдя ближе, я увидела лежащую на земле пожилую даму. Она с трудом дышала и, казалось, к ней только

что вернулось сознание. Рядом с ней сидел ее муж. Он придерживал ее голову и одновременно отвечал на вопросы – один из спасателей записывал данные в толстую тетрадь, в которую, по всей видимости, заносились происшествия подобного рода.

– С ней все будет в порядке, – произнес по-английски мужчина рядом со мной.

Я посмотрела на него, и он ободряюще улыбнулся:

– Не бойтесь. Здесь такое часто случается, это же Индия. В прошлом году в это же время каждый день человек по пять вытаскивали, такое было течение. Я сам один раз чуть не утонул...

Не успела я ничего ответить, как рядом с нами оглушительно засвистели. Мы обернулись посмотреть, кто на этот раз нарушил правила. В океане по пояс в воде стояли, держась друг за друга, мужчина и женщина. Они показывали руками на кого-то, кто купался в двух метрах от них, видимо, тому требовалась помощь. Теперь я уже не удивлялась тому, что они не пытаются спасти его сами, – знала, что в воде это невозможно. Прийти на помощь можно с берега, когда ты сам твердо стоишь на ногах, а если ты в воде, то ничего не получится, вас обоих унесет в океан. Спасатели, по-прежнему галдя и жестикулируя, взяли в руки веревку и пошли в воду. Они двигались по отлаженной схеме: двое взяли за конец веревки и встали на берегу, третий остановился в самом начале воды, следующий чуть дальше, а последний пошел вглубь наперерез волнам. Добравшись до человека в океане, он накинул на него спасательный круг и стал тащить за него, другой рукой держась за веревку, которую натягивали с берега. Все это заняло довольно много времени из-за волн, которые били со всей силы и то и дело накрывали обоих с головой. С берега было видно, что человек в спасательном круге болтается в воде и не двигает ни руками, ни ногами, по-видимому, окончательно обессилел, а может, потерял сознание. Мы все, затаив дыхание, смотрели с берега, как спасатель тащил его за собой, как куклу, выдергивая из-под воды, хватая то за пояс, то за голову, и я подумала, как бы он не сломал ему шею. Ближе к берегу навстречу им кинулся второй, а потом третий, и вместе они бросили на песок грузное женское тело в разодранном купальнике...

В тот вечер я так и не зашла в воду. Мой новый знакомый – англичанин, имя которого сразу вылетело у меня из головы, – составил мне компанию, и мы немного прогулялись вдоль пляжа, решив уйти подальше от места событий. Я никак не могла прийти в себя после увиденного. Наверно, лицо мое выражало ужас, я представляла себя на месте этой женщины, и меня охватывала паника, а что если на ее месте окажусь я? Англичанин поглядывал на меня со снисходительной улыбочкой опытного путешественника и все повторял:

– Это же Индия...

– Почему бы им просто не запретить здесь купание? – спрашивала я. – Поставили бы табличку, что купаться запрещено из-за опасного течения, и все.

– Ну, вероятно, потому что туристы перестали бы сюда ездить...

Не знаю, что пугало меня больше, утонуть в океане или быть спасенной, как эта женщина, и брошенной на всеобщее обозрение, полуживой и обнаженной... Думаю, англичанин не мог понять моих переживаний. Не помню, как мы распрощались и как я добралась до дома в тот вечер, но назавтра у нас произошел странный разговор. Я как раз поднималась с пляжа. Мне оставалось преодолеть последние ступени, когда я заметила, что наверху стоит и смотрит на мои потуги вчерашний англичанин. Вид у него был нетерпеливый. Едва я поднялась, он воскликнул:

– Где вы были? Я, черт возьми, прождал вас вчера целый вечер!

– А что случилось?

– Что случилось?! Мы же договорились поужинать вместе!

Я смотрела с недоумением – не припомню, чтобы мы с ним о чем-то договаривались.

– Вы что, забыли? Вы забыли, что я пригласил вас на ужин?!

Не знаю, почему это так его расстроило, но он весь затрясся от возмущения. Я хотела объяснить, что сделала это не нарочно, но он не слушал меня. Лицо его исказилось от злости, и он завизжал, размахивая руками перед моим носом:

– Я что вам, какой-то мальчишка?! С какой стати я должен стоять и ждать вас черт знает сколько времени? Что вы о себе возомнили?..

На нас стали обращать внимание. Мы выглядели как ссорящаяся семейная пара, а ведь я даже имени его не знала. И как так получается, что какой-то посторонний мужик отчитывает меня ни за что ни про что? С какой это стати?

– Хватит! – рявкнула я, и он тотчас замолчал. – Я вам не жена, ясно? Прощайте.

– Пойдите! – жалобно попросил он. – Пойдите, прошу вас! Мне жаль, если я был слишком эмоционален, простите меня... Клянусь вам, я всего лишь хотел встретиться с вами снова... Вы мне очень симпатичны, я подумал, может быть, мы могли бы подружиться... Здесь редко встретишь приличного человека... – Он брел за мной, но я, вся дрожа от гнева или от чего-то еще, шла почти бегом и в конце концов окатила его таким взглядом, что он не решился идти дальше. А я добежала до дома и рухнула на кровать. Слезы катились у меня из глаз. Японка убежала от меня как от чумы, англичанин орет на глазах у всех. Ну что со мной не так?

У меня все еще болит нога, так что утренние купания в океане пришлось отменить. Спуститься на пляж у меня еще кое-как получалось, я медленно ковыляла вниз, пропуская вперед стайки босоногих индийских пареньков с голыми цыплячьими спинами; они ловко скатывались по ступенькам, не боясь поскользнуться и упасть. А вот взобраться по склону обратно было намного труднее. За час с небольшим, пока я окуналась и возвращалась назад, солнце распалось сильнее. От его острых огненных лучей жгло плечи и руки. И хоть я укутывалась в длинный платок с головы до пят, чувство было такое, словно меня поджаривают на печке. Останавливаться и передохнуть уже не получалось, стоило только притормозить, как солнце впивалось в кожу, душило и отнимало последние силы. С меня градом сходил пот, от свежести утреннего купания не оставалось и следа, все тело ныло. Запахи, усиленные жарой, ударяли в нос, кружилась голова. Пляжная сумка, в которой и вещей-то было, только мокрый купальник, ключ от комнаты да кошелек, казалась невыносимо тяжелой и оттягивала плечо. Нога моя распухла прямо на глазах, и от этого зрелища у меня текли слезы. Мне было жаль себя, одну-единешеньку, тащившуюся по такой жаре на гору, с больной ногой, где-то далеко от дома, в чужом краю... Да что там далеко, у черта на куличиках... Пробежавшие мимо парнишки заглядывали мне в лицо – не оттого, конечно, что удивлялись моим слезам или сочувствовали, на это они не обращали никакого внимания, а из простого любопытства к белокожим. Один даже собрался меня сфотографировать. Его друзья уже обступили меня, желая попасть в кадр вместе со мной, выставили костлявые локти и белозубые рты, но я отказала, довольно резко, и они ретировались. Я ненавидела их в эти минуты. Ненавидела их нагловатые деревенские повадки, и похабные смешки, и непонятную речь, и то, как весело и без усталости они скакали на гору, привыкшие и к беспощадному солнцу, и вонючему воздуху вокруг. Их не изматывала жара, у них не болели ноги, и вообще, ничто не омрачало их беззаботного существования, во всяком случае, их уж точно не одолевали мысли, подобные моим. Они были у себя дома и вели себя как всегда, а что здесь делала я? На этот вопрос я не знала ответа.

Я решила спускаться на пляж раз в день. Я бы, может, и совсем прекратила эти спуски и подъемы, но старушка, что делала мне массаж, долго объясняла и в конце концов втолковала мне, что ногу надо тренировать. Нет ничего лучше, чем ходить босиком по глубокому шершавому песку, как раз такой лежит с левой стороны пляжа, у подножия горы, – говорила она. Километр туда, километр обратно, и через неделю моя нога будет как новенькая, она гаранти-

рует. Ага, а она представляет себе, каково мне спускаться, а потом подниматься вверх? Так это как раз то, что нужно! Не иначе, всевышний направил меня в Варкалу, чтобы моя нога поправилась окончательно! На моем месте она только и делала бы, что целыми днями поднималась бы туда и обратно. Сперва опускалась бы по левому спуску, потом шла бы к центральному, оттуда к крайнему, самому крутому... Вернувшись от нее, я лежала под вентилятором и плакала. Не знаю почему, но мне хотелось, чтобы она пожалела меня, а не заставляла носиться по горам целыми днями. Я лежала и представляла себе, как она причитает, глядя на мою опухшую щиколотку, как сочувственно гладит меня по голове. От этих мыслей мне становилось легче. Я так и слышала ее непонятный говор, который означал, что она строго-настрого запрещает мне нагружать ногу, что она советует мне почаще ложиться, и побольше отдыхать... Тем не менее, после второго сеанса у меня наметились улучшения. Я глазам своим не поверила: впервые за долгое время моя лодыжка стала почти такой же узкой, какой была всегда. И хотя к концу дня нога снова расплылась, было очевидно, что процесс пошел. Я поняла, что старушка, несмотря на черствость, свое дело знает, и решила выполнять ее наказания настолько смогу. Днем, пока работал вентилятор, я делала кое-какие упражнения и разминала ногу, а около шести, когда солнце начинало гаснуть, шла к одной из лестниц, спускалась на пляж и ходила туда-сюда пока не устану, то по сыпучему песку, то по гладкой кромке воды. Когда нога начинала болеть сильнее, я садилась на песок и смотрела на закат вместе с другими, кто оставался на пляже до самой темноты. Смотреть было на что: солнце беззастенчиво разваливалось над океаном со всеми своими оранжевыми и малиновыми лучами, горело, полыхало, изливалось всеми цветами радуги и долго красовалось на небе, не желая уходить. Это было захватывающее зрелище, многие рядом со мной доставали фотоаппараты, но я не испытывала никаких приятных чувств. Чаще всего меня снедала тоска, и я чувствовала себя одинокой на этом празднике жизни. Я не знала, что мне делать дальше... Еще недавно я мечтала куда-нибудь уехать, я верила, что путешествие поможет мне развеяться и привести мысли в порядок. Я считала, главное, сделать первый шаг, решиться и отправиться в путь, а дальше жизнь выведет меня на нужную дорогу и все как-нибудь образуется само собой. И вот первый шаг сделан, я сижу на другом конце света за тридевять земель от дома и понимаю, что мой план потерпел крах: я не развеялась, легче не стало, в моей голове наступил еще больший хаос, к тому же я мучаюсь от плохой еды, от жары, от вони и от грязи, я не сплю по ночам, и у меня все время что-то болит. Нет и намека на то, что моя жизнь начинает налаживаться. Наоборот, все становится только хуже. Надо быть честной и признаться себе, что план не удался и что поездка ничем мне не поможет. Откуда вообще взялась эта уверенность, что путешествие может все решить? Наверно, из книг? Из фильмов? Из чужих историй?.. Страшно подумать о том, что ждет меня впереди – в следующие дни здесь, в Индии, и потом, когда я вернусь в Москву... Господи, что же мне делать? Дай хоть какой-нибудь знак, как мне действовать дальше, сама я уже ничего не понимаю... Бывало, от этих мыслей я так раскисала, что сидела, опустив голову и потеряв счет времени. Не хотелось никуда идти, и я не могла заставить себя подняться. А надо было идти ужинать, а значит, объясняться с официантами, сидеть рядом с шумными компаниями, слышать их разговоры и смех... Когда я, наконец, прихрамывая, волочила ногу к лестнице, взбираться по ней пришлось уже в полной темноте. Благо, на этот случай у меня был с собой маленький фонарик, здесь все ходили с такими после наступления темноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.